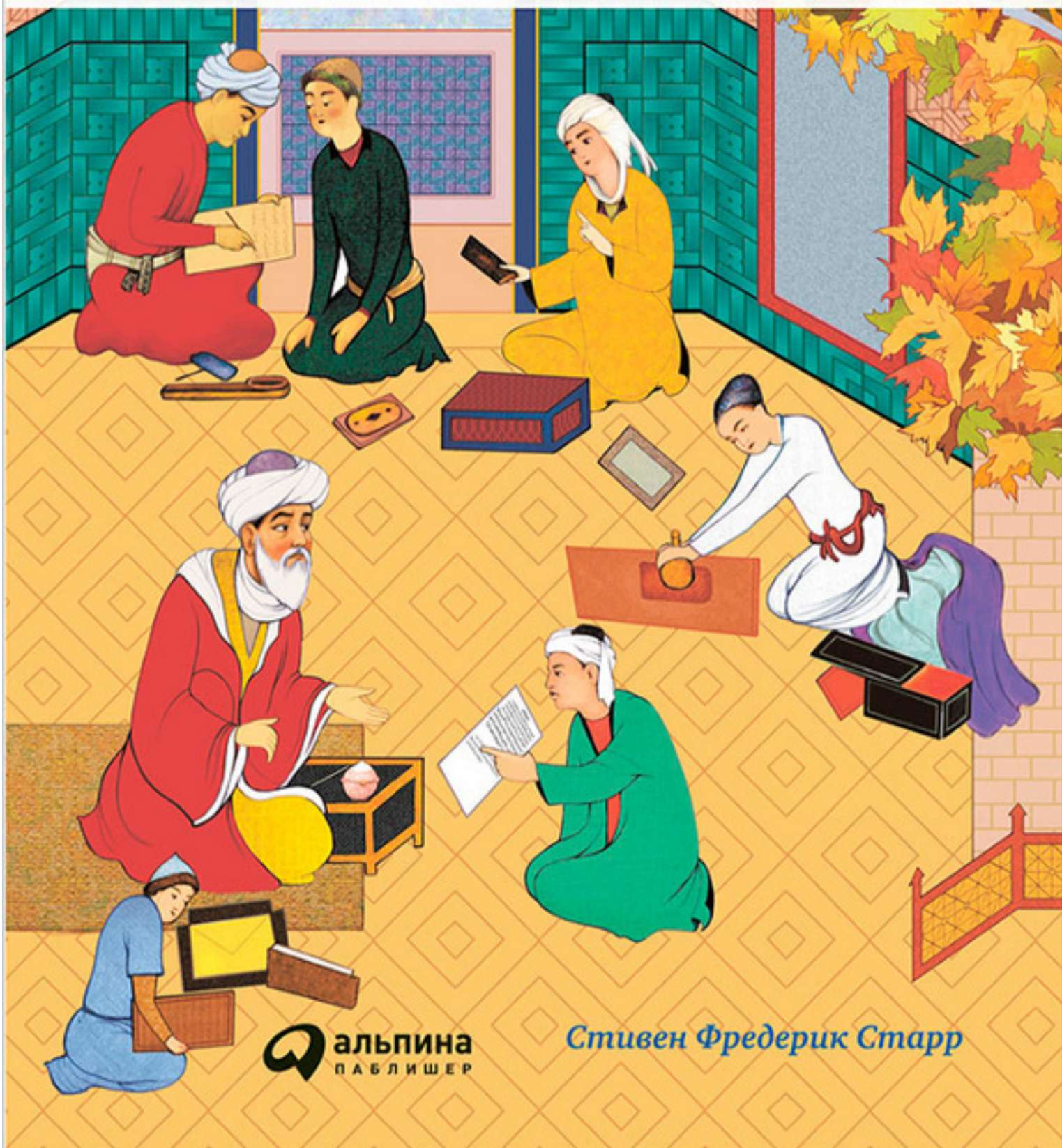

Утраченное Просвещение

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ОТ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ
ДО ВРЕМЕН ТАМЕРЛАНА

 альпина
ПАБЛИШЕР

Стивен Фредерик Старр

Стивен Старр

**Утраченное Просвещение:
Золотой век Центральной
Азии от арабского завоевания
до времен Тамерлана**

«Альпина Диджитал»

2013

Старр С. Ф.

Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / С. Ф. Старр — «Альпина Диджитал», 2013

ISBN 978-5-9614-4576-3

Центральная Азия в глазах большинства жителей развитых стран – это несколько Богом забытых бедных государств где-то на краю света, культура которых абсолютно непримечательна. Автор книги – Фредерик Старр, признанный специалист по региону, – доказывает ошибочность такого мнения. Цель его работы – развенчать миф об отсталости и маргинальности Центральной Азии. Он знакомит читателя с сыгравшими важнейшую роль в истории человечества научными открытиями, культурными достижениями, завоеваниями и другими событиями, которые происходили на территории современных Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, а также частично Афганистана, Пакистана и Китая. Неслучайно Старр называет эту территорию Центральной Азией. Именно там в Средние века располагался один из очагов Просвещения (за много веков до одноименной эпохи во Франции) Из книги вы узнаете, например, что ученый-энциклопедист аль-Бируни открыл Америку за три века до Колумба, что «Канон врачебной науки» Ибн Сины, написанный на рубеже IX и X веков, на протяжении 600 лет был главным учебником по медицине во всех учебных заведениях мира, включая известнейшие университеты Европы, что знаменитые стрельчатые арки пришли в готику из центральноазиатской архитектуры и многое другое. Издание адресовано культурологам, историкам, философам и всем тем, кто хочет стать настоящим знатоком и ценителем богатейшей культуры Центральной Азии.

ISBN 978-5-9614-4576-3

© Старр С. Ф., 2013
© Альпина Диджитал, 2013

Содержание

К читателям	7
Предисловие	12
Действующие лица	16
Хронология	21
Глава 1	26
Время и место	29
Знакомство с главными действующими лицами	32
Сословие интеллектуалов	39
Три вопроса: легко задать, но сложно ответить	43
Непройденные пути	44
Глава 2	48
Так было ли изменение климата?	55
«Интенсивная» цивилизация	57
Важная роль торговцев	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Стивен Старр

Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана

Руководитель проекта *М. Соловьева*

Редактор *А. Смьшляева*

Научный редактор *А. Космарский*

Арт-директор *Л. Бенишшиа*

Дизайнер *М. Грошева*

Корректор *Е. Аксенова*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Фотоматериалы предоставлены агентствами *GettyImages, East-News, ФОТОДОМ*.

© Princeton University Press, 2013

© ООО «Интеллектуальная Литература», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

К читателям

Дорогие читатели!

Я с удовольствием пользуюсь возможностью представить вам блестящую книгу Фредерика Старра «Утраченная эпоха Просвещения: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до Тамерлана».

С каждой прочитанной книгой я все больше убеждаюсь в правоте высказывания о том, что книги имеют свою судьбу. Судьба некоторых из них – создавать образ мышления целых поколений. Работа Фредерика Старра относится к когорте именно таких книг.

Центральная Азия – колыбель созвездия великих поэтов, философов, математиков. Аль-Бируни, Абу Али Сина, аль-Фараби, это лишь некоторые великие представители Центральной Азии, которые внесли неоценимый духовный и научный вклад в развитие человеческой истории. Автор блестяще воссоздает для нас мир Центральной Азии, которая на протяжении веков являлась центром мировой цивилизации.

Как говорил Сервантес: «История – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего». В эпоху глобализации очень важно бережно сохранить и передать будущему поколению неповторимые ценности центральноазиатской культуры, шедевры центральноазиатских поэтов, писателей, мыслителей, досконально изучив их влияние на развитие мировой науки и культуры.

Я верю, что глубокое изучение истории Центральной Азии может стать хорошим началом для решения тех задач, которые наиболее остро стоят перед центрально азиатскими странами.

Желаю вам незабываемого, захватывающего полета во времени и пространстве по нашей общей истории!

*Кайрат Келимбетов,
управляющий Международным финансовым центром «Астана»*

Уважаемый читатель!

Я рад приветствовать вас на страницах этой уникальной книги от имени Сбербанка в Казахстане.

Изучая труды ученых, мы привыкли к тому, что они исследуют прошлое как историю государств, народов, религий, монархов, войн. Книга профессора С. Фредерика Старра явно выпадает из этого привычного ряда. Уже с первых страниц понимаешь, что для автора история – это прежде всего интеллектуальная история, которая позволяет взглянуть на прошлое гораздо глубже и проникательнее. Он открывает Центральную Азию заново. Ведь в течение почти тысячи лет именно этот регион, а не арабский Ближний Восток, был интеллектуальным и политическим центром, где пересекались торговые отношения и великие культуры Ближнего Востока, Европы, Индии и Китая.

Читая эту книгу, понимаешь, насколько важную роль в становлении современного Казахстана сыграли исторические предпосылки, описанные профессором Ф. Старром. Сегодня Казахстан – один из лидеров стран Центральной Азии по многим социально-экономическим показателям. Международное признание, политическая стабильность, рост всех отраслей экономики позволяют нам уверенно смотреть в будущее.

Уже восемь лет Сбербанк успешно работает на финансовом рынке Казахстана и вносит свой вклад в стабильное развитие страны. Сегодня Сбербанк является ключевым инвестором в экономику Казахстана и лидером государственных программ поддержки и развития предпринимательства. Уверен, достичь таких высоких результатов за столь короткий срок мы смогли благодаря условиям, в которых работаем в Казахстане.

Надеюсь, вы получите от чтения этой книги такое же наслаждение, как и я.

*А. И. Камалов,
председатель правления
ДБ АО «Сбербанк»*

*«Стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина»
Слова пророка Мухаммеда, согласно хадису (преданию), записанному
Абу Исой ат-Тирмизи (824–892) из Термеза. Эти слова были
начертаны над входом в медресе, построенном в Самарканде
правителем и астрономом Улугбеком около 1420 года.*

*«Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем имеешь твоим
приобретай разум»
Книга притчей Соломоновых, 4:7.*

Авиценна (ибн Сина) — символ восточной мудрости, выдающийся философ, близкий по духу к эпохе Просвещения

Предисловие

Я написал эту книгу не потому, что знал ответы на поставленные в ней вопросы, и даже не потому, что обладаю особыми знаниями по множеству затронутых в ней тем. Просто мне самому хотелось бы прочитать такую книгу. Я бы предпочел, чтобы ее автором стал кто-то другой. Тогда я мог бы наслаждаться чтением, а не писать сам. Но никто не взялся за такой труд. В Центральной Азии пока еще не было летописца, сравнимого с Джозефом Нидэмом, великим кембриджским историком, чья потрясающая «Наука и цивилизация в Китае» в семи томах не имеет равных – таких трудов нет ни об одном другом народе или регионе мира. Я писал свою книгу в надежде, что она вдохновит будущих Нидэмов из Центральной Азии или из числа ученых за рубежом.

Поднятые в ней вопросы занимали меня на протяжении почти двух десятилетий. За это время я совершил несколько десятков поездок в каждый уголок описываемого региона. Я участвовал в походах под палящим солнцем в пустыне Каракумы в Туркменистане. Меня заносило снегом на Памире при температуре -40°C . Не многие осмеливались зайти в мой кабинет, превратившийся из-за огромного количества бумаг в подобие неприступной крепости. Теперь, когда книга написана, я хочу процитировать Эдуарда Гиббона, который в предисловии к своей работе «История упадка и разрушения Римской империи» сказал: «...Я, быть может, с излишней поспешностью решился издать сочинение, заслуживающее эпитета несовершенного во всех значениях этого слова»¹. И это при том, что до Гиббона мне еще далеко.

С большой натяжкой можно сказать, что я обладаю достаточной квалификацией для написания этой книги. Но Центральная Азия интересует меня очень давно. Персидский мир открылся мне, когда в восемнадцать лет я познакомился с Хушангом Насром, моим соседом по комнате в общежитии Йельского университета. Его отец был городским головой Тегерана, в то время находившегося под властью шаха. Хуш (как мы его называли) посвятил жизнь медицине, он верой и правдой служил своей стране. С тюркским миром я впервые соприкоснулся во время археологических работ в Гордионе (Турция) где Александр Великий разрубил гордиев узел. Несколько полевых сезонов я занимался картографированием древних дорог Анатолии. Хотя это не сделало меня квалифицированным экспертом по Центральной Азии, но с тех пор я считаю, что в ней живут невероятно интересные люди, среди которых сейчас много моих хороших друзей.

Не может не изумлять количество экспертов, которые исследовали разные аспекты затронутых в этой книге тем. В некоторых кругах любят обвинять западных и российских ученых последних двух столетий в «ориентализме». Но без их кропотливых исследований большая часть истории интеллектуального расцвета исламского Востока никогда бы не стала известна миру. Вклад в эти исследования внесли ученые со всего мира. Среди французских специалистов можно выделить Жан-Пьера Абель-Ремюза, Фарида Джабра, Этьена-де-ла-Вассери и Франца Грене, не говоря уже о многих авторах публикаций, впервые появившихся во время Французской археологической делегации в Афганистане 1922 года. В Германии Генрих Зутер, Адам Мец и их коллеги основали течение, которому по сей день следуют такие ученые, как Иосиф ван Эсс, Готтхард Штроймайер, а также множество молодых ученых из стран бывшего Востока и Запада, в то время как в Чехии особым признанием пользуется литературовед Ян Рипка.

Находясь в Туманном Альбионе, путешественники Арминий Вамбери и сэр Аурель Стейн (оба выходцы из Венгрии) взбудоражили воображение англоязычного мира и всей

¹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. – М., 2008. – Т. 1. – С. 47.

Европы своими сочинениями о Центральной Азии. Затем лингвист Эдвард Гренвилль Браун и переводчик Эдвард Фицджеральд вместе проделали большую работу, чтобы донести сокровища литературы этого региона до широкого круга читателей. В XX веке востоковед Клиффорд Эдмунд Босуорт осветил десятки вопросов, важных для этой книги, в то время как Джорджина Херрманн и ее коллеги продолжили его работу с позиции археологии. Патрисия Кроун и другие британские ученые изучали труды многих философов этого региона, а Эдвард Кеннеди занимался историей науки Центральной Азии. Также следует отметить и американских специалистов, особенно Ричарда Фрая и Ричарда Буллиета, чьи исследования по Нишапуру, Бухаре и другим городам вдохновили целое поколение историков. Такие одаренные лингвисты и переводчики, как Роберт Данкоф и Дик Дэвис, открыли для нас неизвестные и недооцененные шедевры. Димитри Гутас и другие выдающиеся ученые проанализировали труды аль-Фараби и ряда мыслителей Центральной Азии, писавших на арабском языке. Рафаэль Пампелли и Фредерик Хиберт также заслуживают похвалы за их новаторские археологические исследования, проливающие свет на историю развития региона – от первого посаженного на этой земле зернышка до образования современного Туркменистана. В дополнение ко всему плеяда молодых ученых, в основном из Европы и Соединенных Штатов, находится на пороге важных открытий, которые полностью изменят наше понимание региона и времени.

Иранские специалисты также вносят важный вклад в исследование региона. Ученые из Тегерана взяли на себя колоссальный труд по поиску, редактированию и публикации всех сочинений Ибн Сины и ряда других крупных мыслителей эпохи центральноазиатского Просвещения. Кроме того, они исследуют традиции суфизма. Персидская наука процветает в эмиграции. В Нью-Йорке была создана «Энциклопедия Ираника», в США работает выдающийся ученый Сейид Хоссейн Наср. На полуострове Индостан, имеющем глубокие культурные связи с государствами Центральной Азии, были выпущены важные англоязычные издания и переводы произведений центральноазиатских авторов. Были проведены исследования, касающиеся исторических личностей того периода, в частности Бируни, который некоторое время проживал в Кашмире. Тем временем японские ученые создали мощную базу научных работ в области лингвистики и оказались в числе мировых лидеров по размаху и глубине исследований буддизма в Центральной Азии.

Что касается российских исследований, то хоть Василий Бартольд (Вильгельм Бартольд) и не был первопроходцем, тем не менее его работа позволила российской науке подняться до небывалого уровня, на котором она находится и сейчас. Будучи превосходным лингвистом, Бартольд всю жизнь изучал забытые тексты, написанные на средневековом арабском и персидском языках, воссоздавая потерянную историю. Его исследования и по настоящее время остаются золотым стандартом и изучения региона. После смерти ученого в 1930 году студенты не только продолжили его работу, но и значительно расширили ее за счет новых областей, в частности археологии и истории науки.

Необходимо отдать дань уважения тем исследованиям Центральной Азии, которые были поддержаны Академией наук СССР. Особенно советские ученые отличились в таких областях, как история науки и литературы, а также археология. Многолетняя научная работа дала потрясающие результаты: обретенны забытые рукописи, археологи исследовали целые регионы, были воссозданы биографии великих деятелей прошлого. Такие специалисты, как Михаил Массон, Галина Пугаченкова, Павел Булгаков и Юрий Завадовский, занимают видное место среди советских ученых, спасших историю Центральной Азии от забвения. Их преемники в странах бывшего Советского Союза продолжают важные исследования по многим направлениям: Ашраф Ахмедов, Бахрам Абдухалимов, Эдвард Ртвеладзе и Отаназар Матякубов – в Узбекистане; Гуртнийаз Ханмырадов – в Туркменистане; Кароматулло Олимов и Нуман Негматов – в Таджикистане. Все они продолжают традицию высокой науки и все чаще делают плоды своих трудов доступными, переводя их на различные языки. Благодаря им и многим

другим в регионе появляется все больше молодых высококвалифицированных ученых. Обученные лучшими представителями последнего поколения советских ученых и находящиеся в постоянном контакте со своими коллегами из Европы, Америки, Ирана и Ближнего Востока, эти талантливые молодые исследователи поднимают новые вопросы и находят неожиданные ответы. Несомненно, в течение последующих десятилетий история Центральной Азии будет настолько глубоко изучена и пересмотрена, что в результате примет совершенно другой вид.

В этой книге учтены комментарии ряда моих коллег и друзей. Среди них: Анна Акасой из Рурского университета в Бохуме; Кристофер Беквит из Университета Индианы; Джед Бухвальд из Калифорнийского технологического института; Фархад Дафтари и Хаким Эльназаров из Института исследований исмаилизма в Лондоне; Гуртнийаз Ханмырадов, ректор Туркменского государственного университета; Дебора Климбург-Сальтер из Венского университета; Азим Нанджи из Стэнфордского университета; Моррис Россابي из Колумбийского университета; Эдвард Ртвеладзе из Академии наук Республики Узбекистан; Пулат Шозимов из Академии наук Республики Таджикистан; Натан Камилло Сидоли из Университета Васэда в Японии; Сассан Табабатай из Бостонского университета. Каждый из этих людей оказал мне неоценимую помощь и поддержку, терпеливо разясняя вопросы, суть которых мне следовало знать в первую очередь. Часто, проверяя мои рукописи, они исправляли фактические ошибки и некоторые интерпретации. Еще осталось, несомненно, много неточностей, однако за них лишь я как автор этой книги несу ответственность.

Этот список можно продолжать бесконечно, но смысл ясен: какими бы достоинствами книга ни обладала, все они являются заслугой десятков ученых и исследователей из многих стран. Все вместе они были моими учителями, и я глубоко им благодарен.

Очень немногие произведения, на которые я ссылаюсь в этой книге, доступны в электронном виде. Поэтому особую благодарность я бы хотел выразить персоналу библиотеки Школы передовых международных исследований в Университете Джонса Хопкинса, особенно Барбаре Профет и Кейт Пикард из отдела межбиблиотечного абонементов, которые нашли и собрали сотни источников со всего мира. На протяжении многих лет сотрудники Института Центральной Азии и Кавказа, в частности Катарина Лесандрик и Полетт Фун, предоставляли своевременную поддержку проекту.

И, конечно же, сердечно благодарю мою жену Кристину, детей Анну и Елизавету, их супругов Патрика Таунсенда и Хольгера Шарфенберга, а также их детей (моих внуков) за то, что долго и терпеливо мирились с этим проектом. Эта книга посвящается им всем с глубокой любовью и благодарностью.

Об именах, орфографии и транслитерации

Эта книга уходит корнями в первую очередь в персидский, тюркский и арабский миры. Все языки этих миров представляют собой проблему для тех, кто хочет перевести с них имена и определенные термины. Задача значительно осложняется еще и тем, что многие соответствующие имена и термины стали известны в основном благодаря работам ученых, пишущих на английском, французском, немецком или русском, которые стандартизировали их в соответствии с конкретными правилами своих родных языков, при этом часто искажая оригиналы. Возьмем один пример: регион на стыке северо-востока Ирана, юга Туркменистана и Западного Афганистана будет называться Хваризм, Хварисм или Хваразм при использовании персидского языка или Хорезм при транслитерации с русского. Любой из первых трех вариантов будет полезен при поиске в алфавитном указателе книг, написанных учеными-иранцами, в то время как Хорезм должен использоваться для российских алфавитных указателей. Поскольку источники на региональных языках или написанные учеными, использующими региональные языки, становятся все более популярными, я выбрал форму Хваразм (при переводе на русский

язык использована форма Хорезм). Или если мы говорим о внуке Пророка – как его следует называть? Возможны варианты: Хосайн, Хоссейн, Хусайн, Хусайин, Хусейн, Хусейин, Хуссайн, Хуссайин, Хусеин, Хуссейин или Хуссейн. В этом и других случаях я стремился использовать вариант, наиболее знакомый англоговорящим читателям.

Из вышесказанного можно заключить, что личные имена представляют особую проблему. Великий востоковед из Санкт-Петербурга при крещении был наречен Вильгельмом Бартольдом. Это имя используется в английских переводах его произведений, но он жил и работал в России и подписывал работы как Василий Бартольд. Я решил использовать имя Василий за исключением цитирования английских изданий, которые употребляют оригинальное немецкое написание его имени. Внушающий ужас монгольский хан и завоеватель появляется в литературе под разными именами – Ченгис, Ченгиз, Чингис, Чингиз, Чинггиз. Неофициальный опрос экспертов привел к тому, что я оставил имя Чинггис. (При переводе на русский язык использована форма Чингисхан.) Почти в каждом языке существует признанная система для транслитерации на английский язык, что часто приводит к такому написанию, которое может расшифровать только лингвист. Я решил все эти разнообразные проблемы в пользу версии, наиболее знакомой англоговорящим читателям.

Арабские и персидские имена – это другая проблема. Когда человек определен относительно его отца, его сына и места его происхождения (*нисба*), его имя пишется с шестью элементами и более. Например, Абу Али аль-Хусайн ибн Абд Аллах ибн Сина или Гийясатдин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури. Но современным читателям-специалистам удобнее воспринимать укороченные имена, и поэтому для них написание будет таким, как Ибн Сина и Омар Хайям. Кроме того, современные специалисты ссылаются на автора знаменитой алгебры, называя его Мухаммадом ибн Мусса, но в течение нескольких сотен лет ученые называли его соответственно нисбе – аль-Хорезми. Я последовал их традиции. Латинские версии имен приводятся, но широко не используются в тексте. Когда речь идет о людях, которые хорошо известны во всем мире, я следовал общему написанию их имен в английском языке: Ибн Сина вместо Ибн Сино.

Целые книги были написаны о транслитерации и транскрипции арабских и персидских имен собственных. Даже несмотря на то, что официальные системы транслитерации в различных языках, разработанные лингвистами, удовлетворяют большинство ученых, они заставляют широкий круг читателей продирается через лес абсолютно непонятных им букв, маркировок и написаний. Поэтому в данной книге латинизация достигается за счет простой транскрипции, которая модифицировалась по мере необходимости, чтобы соответствовать правилам английской орфографии или обычного использования в английском языке. Таким образом, для читателя имя мыслителя будет звучать как Омар Хайям, а не Умар Хайяма или Омар Чайям.

Лингвистам и другим специалистам, несомненно, не понравится отсутствие диакритической маркировки к большинству слов и имен по всему тексту. Такие маркировки, как значок краткости над гласными, ударения, циркумфлекс, гачек и трема, бывают полезными помощниками в произношении. Но они также могут отвлекать читателей, принося мало или вообще не принося никакой пользы. Поэтому диакритические маркировки не используются со среднеазиатскими именами. Читатели, которым такие маркировки необходимы, могут добавить их вручную, последовав примеру средневековых переписчиков.

Действующие лица

Примечание: все даты приблизительные

Александр ВЕЛИКИЙ (356–323 гг. до н. э.). Македонский правитель, после завоевания Центральной Азии в 329 г. до н. э. пробыл в этом регионе еще три года, по его приказу там было построено и названо в его честь около девяти городов. Он оставил Греко-Бактрийское царство со столицей в современном Балхе. Его территория простиралась вплоть до Северо-Западной Индии.

Авхад аль-Дин АНВАРИ (1126–1189). Поэт и друг султана Санджара из Мерва. Гордись своими обширными знаниями, написал: «Если вы не верите мне, приходите и проверьте меня. Я готов».

Низами АРУЗИ САМАРКАНДИ. Поэт XII в., работал при дворе правителей Хорезма и Гора. Родился в Самарканде. Автор сборника рассказов «Четыре беседы», где утверждается, что благополучие трона невысказано без письмоводителей, поэтов, астрологов и врачей.

Абу Мансур Али АСАДИ ТУСИ. Иранский поэт XI в. из Туса. Последователь Фирдоуси. Работая при дворе в Азербайджане, Асади написал эпическую поэму «Гершасп» («Гершасп-наме»), которая является второй персидской эпической поэмой после «Шахнаме» Фирдоуси.

Фарид-ад-дин АТГАР (1145–1221). Фармацевт и суфийский поэт из Нишапура. В его творчестве есть элементы мистицизма. Главное произведение – поэма «Беседа птиц». Это аллегория, в произведении птицы летали по миру в поисках истины, а в результате нашли ее в себе.

Абу-ль-Фазль БЕЙХАКИ (995–1077). Независимо мыслящий придворный историк из Газни (Афганистан). Автор 30-томных мемуаров о правлении Махмуда и Масуда Газневи. До наших дней дошли только три из них.

Юсуф БАЛАСАГУНИ (Юсуф из Баласагуна). Автор поэмы «Благодатное знание» (1069 г.) – трактата, в котором поэт в художественной форме высказал свои взгляды на политику, управление государством, мораль и пр. Написана поэма на уйгурском языке. Таким образом язык из тюркской семьи был впервые введен в средиземноморскую цивилизацию. Уроженец Баласагуна (современный Кыргызстан), умер возле Кашгара в Синьцзяне (Китай).

Раbia БАЛХИ. Поэтесса X в., подруга Рудаки, жила в Балхе (современный Афганистан). Брат убил ее, узнав о том, что она любит турецкого раба.

БАНУ МУСА. «Сыны Мусы»: братья Мухаммед, Ахмед и ал-Хасан из Мерва. Жили в IX в., они были выдающимися учеными, которые занимались геометрией, астрономией и механикой при халифе аль-Мамуне и его преемниках. Кроме прочего, Ахмед написал первую работу по практической механике – «Книгу о необыкновенных устройствах».

БАРМАКИДЫ. Члены буддийского рода из Балха (в настоящее время территория Афганистана). После принятия ислама они стали визирями при дворе Аббасидов. Они оплачивали переводы работ с греческого языка и санскрита на арабский. Халиф Харун ар-Рашид истребил их в 803 г.

Камолиддин БЕХЗАД (1450–1537). Художник эпохи Тимуридов, работавший в Герате. Его поддерживал чиновник и поэт Навои. Выполненные им книжные миниатюры и портреты государственных деятелей привели к пересмотру взглядов на искусство во всем мусульманском мире.

Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-БИРУНИ (973–1048). Ученый-энциклопедист из Хорезма, который трудился сначала при дворе хорезмшахов в Гургандже (современный Туркменистан), а затем при дворе Махмуда Газневи в Афганистане. Его работы по астрономии, геодезии, истории и общественным наукам утвердили его в качестве одного из величайших мыслителей периода между Античностью и европейским Ренессансом.

Абу-ль-Вафа БУЗДЖАНИ (940–998). Уроженец Афганистана, исследователь-новатор, работавший в Багдаде и Гургандже. Его метод разработки таблиц синуса и тангенса дал результаты с точностью до восьмой десятичной запятой. Применяя теоремы синусов к сферическим треугольникам, Бузджани открыл новые методы навигации.

БУЗУРГ-МИХР (531–578). Уроженец Мерва, наиболее известный центральноазиатский мыслитель доисламской эпохи. Бузург-Михр был сторонником зороастрийского дуализма. Он выдвинул этические идеи, которые сильно повлияли на мыслителей мусульманского периода. Он также был визирем и изобрел игру в нарды.

Мухаммед аль-БУХАРИ (810–870). Рожденный в Бухаре составитель и редактор одного из наиболее авторитетных сборников суннитских хадисов – преданий о поступках и изречениях пророка Мухаммеда. Это наиболее почитаемая книга в исламском мире после Корана.

Абу Мансур Мухаммед ДАКИКИ. Персидский и таджикский поэт, патриот, приверженец независимости от арабского халифата, сторонник зороастрийского прошлого. Начал составление «Шахнаме». После смерти Дакики в 976 г. эту работу продолжил Фирдоуси.

ДЕВАШТИЧ (годы правления – 721–722). Последний доисламский правитель Пенджикента (на территории современного Таджикистана). Бежав от арабских завоевателей в начале VIII в., он спрятал множество официальных документов в большом кувшине, закопав его на горе Муг. Обнаруженные пастухом в 1933 г., эти документы позволили ученым воссоздать историю Согдийского государства и общества.

Абу Хамид Мухаммед аль-ГАЗАЛИ (1058–1111). Богослов и философ из Туса (место, известное сейчас как Иранский Хорасан), автор труда «Самоопровержение философов», в котором он бросил вызов рационализму. После нервного срыва из-за смерти его покровителей он принял суфизм и в серии блестящих работ интегрировал свои взгляды на веру в основы ислама, что также повлияло и на христианство.

МАХМУД ГАЗНЕВИ (971–1030). Сын тюркского военачальника. Seriously расширил доставшееся ему государство, раздвинув его границы до Индии и до Ирана. Был покровителем Бируни, Фирдоуси и еще 400 поэтов. В то же время Махмуд был врагом любого инакомыслия в религии.

ГХОШАКА. Уважаемый буддийский богослов и писатель из Балха, сыгравший важную роль в прениях на четвертом буддийском соборе в Кашмире в I в.

Нуриддин ДЖАМИ (1414–1492). Предводитель суфийского ордена Накшбандия в Герате эпохи Тимуридов. Поэт, автор сложных мистических аллегорий со множеством суфийских символов.

Абу Абдаллах аль-ДЖАЙХАНИ. Географ и визирь Саманидов с 914 по 918 г., автор «Книги путей и стран», высоко оцененной за ее масштаб и детальность описаний.

Зайн аль-Дин ДЖУРДЖАНИ (1040–1136). Проживавший в Гургандже автор большого сборника медицинских сведений «Сокровище хорезмшаха», нацеленного на описание основных проблем, с которыми сталкивается практикующий врач.

ЗАРАТУСТРА (около 1100–1000 гг. до н. э.). Основатель (вероятно, в XI в. до н. э.) монотеистической религии, которая была главной в городах Центральной Азии вплоть до возникновения ислама. Определенные черты зороастризма, такие как личные заслуги и грехи человека, дуализм добра и зла, воскрешение и пр., позже нашли свое отражение как в христианстве, так и в исламе.

Абу Али Хусейн ИБН СИНА (980–1037). Философ, богослов, эрудит, автор труда «Канон врачебной науки», который в течение 500 лет оставался классическим медицинским текстом во всем мусульманском мире и Европе. Влияние его трудов «Книга исцеления» и «Книга знания» в мусульманском мире и христианской Европе было одинаково мощным благодаря утверждению одновременно разума и веры. Аль-Газали бросил вызов его наследию в сфере богословия.

Абу Наср Мансур ибн ИРАК (960–1036). Выдающийся деятель хорезмского королевского дома, математик и астроном, новатор в области сферической геометрии. Применил ее в астрономии.

КАНИШКА I. Наиболее известный правитель Кушанского царства (Центральная Азия), живший во II в. н. э. В жизни Беграма, столицы этого государства, существовал синтез буддизма, греческого пантеона и зороастризма.

Махмуд аль-КАШГАРИ. Живший в XI в. автор «Собрания тюркских наречий» (полное руководство по тюркским языкам и устной литературе). Сокровищница сведений о языке, антропологии и обществе, работа Кашгари была создана для того, чтобы придать тюркской культуре такой же статус, какой имели арабская и персидская культуры в мусульманском мире.

Али КУШЧИ (1402–1474). Сын сокольничего султана Улугбека, а позже известный астроном, основатель османской астрономии, сторонник отделения астрономии от философии.

Абу Джафар Абдаллах аль-МАМУН (786–833). Халиф из династии Аббасидов. Сначала правил в своей столице Мерве, а затем переместился в Багдад, где развивал науку и философию. Пытался подавить богословов-традиционалистов и потерпел в этом неудачу.

МАНАС. Легендарный или, для некоторых, исторический киргизский воин, который стал основным героем самого большого устного эпоса народа – «Манас». Правительство Республики Кыргызстан отпраздновало тысячелетний юбилей «Манаса» в 1995 г.

Мухаммед Абу Мансур аль-МАТУРИДИ (870–944). Влиятельный защитник фундаментального и традиционалистского ислама из Самарканда, автор многих «Опровержений» рационализма.

НАВОИ. Полное имя – Алишер Навои Низамуддин Мир Алишер (1441–1501). Государственный деятель эпохи Тимуридов, покровитель творческих людей и поэт, который фактически один поднял родной тюркский язык – чагатай – до такого же высокого уровня, что и персидский.

Аль-Хаким ан-НАЙСАБУРИ (933–1014). Богослов из Нишапура, ашарит, собрал и издал 2000 хадисов, спорил с аль-Бухари и другими по вопросу их аутентичности.

Бахауддин НАКШБАНД (1318–1389 гг.). Основатель суфийского ордена, который помог установлению союза между суфизмом, традиционным исламом и государством.

НЕСТОРИЙ. Архиепископ Константинопольский (428–431) и основатель ветви сирийского христианства, доминировавшей в христианской жизни Центральной Азии.

Низам аль-МУЛЬК, или «Порядок царства» (1018–1092). Почетный титул Абу Али аль-Хасана ибн Али, влиятельного визиря Сельджукидов родом из Туса, изложившего свои взгляды на государственное управление в известном труде «Книга о правлении». Покровительствовал аль-Газали.

Абуль-Хусейн Ахмед ибн ар-РАВЕНДИ (820–911). Мыслитель из Афганистана, который отрекся от иудаизма и ислама, чтобы стать атеистом и защитником рационализма.

Мухаммед бен Закария ар-РАЗИ (865–925). Уроженец Рея близ современного Тегерана, но образование получил в Мерве у центральноазиатских учителей; его главные последователи были также из Центральной Азии. Рази стал первым настоящим экспериментатором в области медицины и наиболее образованным практиком в медицине до Ибн Сины. Он являлся радикальным скептиком в том, что касалось религии.

РУМИ (около 1207–1273). Общеизвестное имя популярного поэта Джалаладдина Мухаммеда Балхи. Он родился в Балхе, на территории современного Афганистана.

Исмаил ибн Ахмед САМАНИ (849–907). Основатель государства Саманидов, которое в течение столетия привлекало культурные ресурсы Центральной Азии в Бухару.

Ахмед САНДЖАР ибн Мелик-шах (1085–1157). Султан, который перенес столицу Сельджуков снова в Центральную Азию и был правителем во время последнего, хотя и недолгого, периода процветания, о чем свидетельствует его массивный мавзолей с двойным куполом, расположенный в Мерве.

Якуб ибн Лейс ас-САФФАР (840–879). Основатель недолговечной династии Саффаридов в Систане, на границе Ирана и Афганистана. Бросил вызов господству арабского владычества и арабского языка в Центральной Азии и Иране.

Абу Сулейман аль-СИДЖИСТАНИ (932–1000). Философ, переехал из своего родного Хорасана в Багдад, где вел занятия в духе гуманизма и выступал за строгое разделение науки и религии.

Абу Наср Мухаммед аль-ФАРАБИ (870–950). Уроженец Отрара (на территории современного Казахстана); известен на Западе как Альфарабиус, а на Востоке был прозван «Вторым учителем» (после Аристотеля). Ученый-энциклопедист, интересовавшийся теоретическим обоснованием различных наук. Огромное внимание уделял логике.

Абул Хасан ибн Джулух ФАРРУХИ СИСТАНИ. Поэт и музыкант XI в., служил при дворе Махмуда Газневи в Систане, автор просветительских, но сложных стихов, построенных вокруг символического образа сада. Его стихи о смерти Махмуда являются одной из лучших элегий на персидском языке.

Ахмед аль-ФЕРГАНИ (около 797–860). Астроном, родом из Ферганской долины в современном Узбекистане. «Книга о небесных движениях и свод наук о звездах» Фергани была одной из первых работ по астрономии на арабском языке. Альфраганус (его под этим именем знали на Западе) стал очень известен, одним из его читателей был Колумб.

Абулькасим ФИРДОУСИ (около 934–1020). Автор из Туса в Хорасане (современный Иран). Он трудился в течение 30 лет, сначала под покровительством Саманидов в Бухаре, а потом при правлении Махмуда Газневи. Труд его жизни – персидский эпос «Шахнаме». В нем сочетаются легенды и исторические факты, охвачено правление пятидесяти властителей. Он создал эпос, утверждающий национальные персидские ценности в период после арабского завоевания.

ХАББАШ аль-Хасиб (769–869). Астроном и математик из Мерва, который возглавлял в Багдаде группу по вычислению градуса земного меридиана и следовательно окружности Земли, и чьи таблицы отображали движение планет.

Омар ХАЙЯМ (1048–1131). Математик, астроном, философ, инженер и поэт из Нишапура, в чьем трактате «О доказательстве задач алгебры и алмукабалы» впервые изложено решение уравнений до третьей степени включительно. Разработал новый солнечный календарь, который был введен в 1079 году.

Абдуррахман аль-Мансур аль-ХАЗИНИ (умер около 1130 года). Астроном и эрудит, чей труд «Книга весов мудрости», написанный в Мерве, считается одним из важнейших средневековых трактатов по механике, гидростатике и физике.

Ахмед ибн ХАНБАЛЬ (780–855). Арабский собиратель хадисов, который подвергся гонениям со стороны халифа аль-Мамуна и стал одним из первых мучеников ислама, основанного на шариате.

ХИВИ аль-Балхи. Скептик и полемист из Хорасана, живший в конце IX в. Начал нападки на Ветхий Завет, не жаловал ни христианские, ни исламские священные книги, подвергая их резкой критике.

Абу Махмуд аль-ХОДЖАНДИ (945–1000). Уроженец Ходжента (Таджикистан), изобретатель астрономических инструментов. Он рассчитал наклон земной оси точнее, чем кто-либо до него.

Абу Абдаллах аль-Мухаммад аль-ХОРЕЗМИ (783–850). Родом из Хорезма, работал в Багдаде. Он систематизировал алгебру, внес вклад в арабское и западное понимание сферической тригонометрии, отстаивал десятичную систему исчисления, собрал данные о расположении 2402 мест на Земле. Слово «алгоритм» происходит от его имени (Algorizmi на латыни).

Насир ХОСРОВ (1004–1088). Сельджукский государственный деятель, он был исмаилитским проповедником и поэтом. Уроженец провинции Балх в Афганистане. Оставил после себя работы о путешествиях и философскую поэзию непревзойденной красоты.

ЧИНГИСХАН. Монгольский правитель, который завоевал Центральную Азию между 1218 и 1221 гг., истребивший много местного населения. Но он же открыл Китай и Персию для новых волн интеллектуального влияния, идущих из Центральной Азии.

Абдаллах ибн ТАХИР (798–844). Правитель из династии Тахиридов, управлял Хорасаном и всей Центральной Азией в середине IX в. Выступал за всеобщее образование на том основании, что благосостояние общества зависит от благосостояния простых людей.

ТАХИР ибн ХУСЕЙН (умер в 822 г.). Основатель династии Тахиридов, который правил Центральной Азией (при нем этот регион был почти самостоятельным государством в период между 821 и 873 гг.). Поддерживал интеллектуальную жизнь в своей столице Нишапуре.

ТАМЕРЛАН (Тимур) (1336–1405). Завоеватель территорий от Средиземного моря до Индии, основал вековую династию и собрал художников и ремесленников в своей столице Самарканде.

ТЕОДОР. Назначен несторианским архиепископом в Мерве в 540 г. Переводчик, специалист по произведениям Аристотеля. Особое внимание уделял его «Логике».

Абу Иса Мухаммед ат-ТИРМИЗИ (824–892). Собиратель хадисов из Термеза (на территории современного Узбекистана), где буддийские монахи ранее проводили подобную работу с религиозными текстами.

Насир ад-Дин ат-ТУСИ (1201–1274). Эрудит родом из Туса в Хорасане, основатель Марагинской обсерватории. Он оспорил утверждение Аристотеля о том, что всякое движение является либо равномерным круговым, либо прямолинейным.

УЛУГБЕК (1394–1449). Почетное имя Мирзы Мухаммеда Тарагая. Улугбек, внук Тимура, недолго правил в Центральной Азии, был педагогом и астрономом. Его таблицы движения звезд долгое время никто не мог превзойти по точности. Благодаря его поддержке математических и других научных исследований был совершен большой прорыв исламского мира в этих областях.

Абул Касим УНСУРИ (968–1039). Уроженец Балха и необыкновенно талантливый «король поэтов» при дворе Махмуда Газневи.

Ахмед ЯСАВИ (1093–1166). Суфийский мистик и поэт из Исфиджаба (в настоящее время Сайрам в Южном Казахстане). Его четверостишия использовались в качестве молитвы для большого числа обращенных в ислам тюркских кочевников.

Хронология

Примечание: все даты приблизительные

3500–3000 гг. до н. э. Лазурит, добываемый в Афганистане, идет на продажу в Индию и Египет. В Центральной Азии зарождается городская жизнь. В бронзовом веке народы Центральной Азии стали впервые выращивать зерно и печь из него хлеб.

1100–1000 гг. до н. э. Наиболее общепринятые даты жизни Зороастра, основателя зороастризма. Двугорбый верблюд становится основным видом транспорта в Центральной Азии.

563 г. до н. э. В Индии родился Сиддхартха Гаутама (Будда Шакьямуни).

329–326 гг. до н. э. После уничтожения Персеполя Александр Великий развязал трехлетнюю войну в Центральной Азии и Афганистане.

180 г. до н. э. Войска Греко-Бактрийского царства вторглись в Индию. Апогей эллинистического греческого царства Бактрия в Центральной Азии.

127 г. до н. э. Приблизительная дата начала царствования кушанского правителя и защитника буддизма Канишки I.

114 г. до н. э. Начало продажи китайского шелка на Запад и в конечном итоге – развитие шелководства в Центральной Азии.

53 г. до н. э. Парфянское войско из Центральной Азии побеждает римского полководца Красса.

540 г. Теодор, несторианский переводчик, ученый и философ, назначен архиепископом в Мерве.

570 г. Родился пророк Мухаммед.

651 г. Последний правитель из династии Сасанидов Йездигерд III убит в Мерве.

660 г. Начало арабского завоевания Центральной Азии.

743 г. Начинается восстание Аббасидов, которые собираются взять власть в арабском халифате.

751 г. Таласская битва: аббасидское войско Абу Муслима наносит поражение китайскому войску династии Тан в битве при Таразе (Талас).

762 г. Халиф Мансур основал Багдад в качестве столицы аббасидского халифата, опираясь на архитектуру Мерва.

780 г. Родился Абу Абдаллах Мухаммед аль-Хорезми.

797 г. Родился центральноазиатский астроном Ахмед аль-Фергани.

810 г. Родился Мухаммед аль-Бухари, создатель наиболее широко распространенного собрания хадисов пророка.

810–819 гг. Мерв становится столицей халифата.

813–833 гг. Абу Джафар Абдаллах аль-Мамун, сын халифа Харуна ар-Рашида, становится халифом после службы в качестве губернатора Хорасана, 809–813 гг.

Около 820 г. Родился Абу Хасан Ахмед ибн ар-Раванди, критик ислама и других религий.

822 г. Тахир ибн Хусейн, губернатор Хорасана, утверждает свою независимость путем удаления имени халифа с монет и из пятничных проповедей.

824 г. В Термезе (на территории современного Узбекистана) родился Абу Иса Мухаммед ат-Термези, известный собиратель хадисов Мухаммеда.

833–848 гг. Мутазилитская «инквизиция» (михна) при халифе аль-Мамуне.

849 г. Родился Исмаил ибн Ахмед Самани, основатель династии Саманидов.

850 г. Родился Абу Зайд аль-Балхи, ученик аль-Кинди, который создал свою школу картографии.

865 г. Родился ученый-медик Мухаммед ибн Закария ар-Рази.

Около 870 г. Родился философ Абу Наср Мухаммед аль-Фараби.

875–876 гг. Исмаил Самани создает свою династию в Бухаре.

Около 900–934 гг. Строительство мавзолея Исмаила Самани в Бухаре. Начало так называемого шиитского века (900–1000 гг.), типичными представителями которого были Фатимиды в Египте и Буиды в Иране.

Около 934 г. Родился Абулькасим Фирдоуси, автор «Шахнаме».

940 г. Родился математик Абуль-Вафа Бузджани.

960 г. Родился Абу Наср Мансур ибн Ирак, ученик Бузджани, астроном и математик.

977–978 гг. Строительство мавзолея в Тиме.

980 г. Родился Абу Али аль-Хусейн ибн Сина (Авиценна).

986 г. Первая попытка захвата Махмудом Газневи долины Инда.

993 г. Махмуд Газневи изгоняет Саманидов из Хорасана.

995 г. Родился Абуль-Фадль Бейхаки, историк династии Газневидов. Абу Хасан, сын Мамуна I, становится шахом Хорезма.

998 г. Махмуд Газневи присваивает себе титул султана.

998–999 гг. Бируни и Ибн Сина вступают в переписку.

Около 1000 г. Аль-Хаким аль-Найсабури пишет восемь томов о жизни местных правителей, религиоведов и других ученых мужей Нишапура.

1002 г. Падение династии Саманидов.

1004 г. Родился исмаилитский ученый и поэт Насир Хосров.

1005 г. Ибн Сина переезжает из Бухары в Гургандж, чтобы занять руководящую должность.

1010 г. Фирдоуси завершает работу над «Шахнаме».

1017 г. Государственные деятели и знатные граждане убивают Абу Аббаса, шаха Хорезма, в результате государственного переворота, что привело к победе Махмуда Газневи и уничтожению Гурганджа и академии Мамуна. Махмуд получает контроль над всей долиной Инда.

1018 г. Родился визирь Сельджукидов Абу Али аль-Хасан ибн Али, известный как Низам-аль-Мульк. Ибн Сина завершает свой «Канон врачебной науки».

Около 1027 г. Родился Махмуд аль-Кашгари.

1037 г. Бируни завершает свой знаменитый труд по астрономии и математике «Канон Масуда».

1040 г. Масуд, сын Махмуда Газневи, терпит поражение от сельджуков в битве при Данданакане возле Балха и бежит в Индию.

1048 г. Родился математик, астроном и поэт Омар Хайям.

1055 г. Сельджукиды приходят к власти во всей Центральной Азии.

1065 г. Абу Хамид Мухаммед аль-Газали учреждает первые медресе (Низамия) в Багдаде, Нишапуре, Харгирде и – позже – в Ширазе.

1066 г. Норманнское вторжение в Англию.

1069 г. Юсуф Баласагуни завершает труд «Благодатное знание».

1072 г. Норманны восстанавливают европейское правление на Сицилии.

1077 г. Махмуд аль-Кашгари завершает свое «Собрание тюркских наречий».

1079 г. Султан Мелик-шах и его визирь Низам аль-Мульк вводят новый солнечный календарь Хайяма.

1092 г. Низам аль-Мульк погиб от рук исмаилита 14 октября.

1093 г. Родился суфийский мистик Ахмед Ясави. Место рождения – Исфиджаб (Сайрам) на южной границе современного Казахстана к востоку от Чимкента.

1095 г. Аль-Газали серьезно заболевает на пике своей популярности.

1118 г. Сельджукский султан Ахмед Санджар приходит к власти в Мерве после смерти султана Мелик-шаха.

1127 г. Минарет Калян, известный также, как Минарет смерти, построен в Бухаре.

1135 г. Родился иберо-египетский мыслитель Маймонид.

1141 г. Битва на Катванской равнине: каракитаи разбивают все сельджукское войско к северо-западу от Самарканда.

1145 г. В Нишапуре родился суфийский поэт Фарид-ад-Дин Аттар.

Около 1180 г. «Канон врачебной науки» Ибн Сины переведен на латинский язык Герардом Кремонским.

1201 г. Родился астроном Насир ад-Дин ат-Туси.

1207 г. Традиционная дата рождения великого суфийского поэта Джалаладдина Руми.

1219 г. Чингисхан планирует завоевание после того, как правитель Отрара разбивает караван монголов и убивает их посла.

1270-е гг. Марко Поло дважды совершает путешествие из Венеции в Пекин.

Около 1300 г. Появление печати подвижного типа с вписанными блоками в Восточном Туркестане.

1308–1321 гг. Данте Алигьери написал «Божественную комедию».

1318 г. Родился Бахауддин Накшбанд, основатель суфийского ордена Накшбандия.

1336 г. Родился Тамерлан (Тимур).

1350-е гг. Чума уменьшает численность населения по всей Персии и всему Кавказу.

1380 г. Битва на Куликовом поле: Московское государство побеждает войска Золотой Орды.

1389 г. После смерти Бахауддина Накшбанда правитель Бухары на постоянной основе материально обеспечивал его школу и мечеть.

1402 г. Тимур нападает на турок-османов и захватывает в плен султана Баязета. В Самарканде родился астроном Али Кушчи.

1414 г. Родился персидский поэт Нураддин Джами.

1417 г. Улугбек основывает свое медресе в Самарканде.

1436 г. Филиппо Брунеллески завершает строительство собора Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции.

1439 г. Иоганн Гутенберг, работая в Страсбурге и Майнце, использует способ книгопечатания подвижными литерами.

1441 г. Родился поэт Алишер Навои, сыгравший огромную роль в возведении своего родного тюркского языка чагатай до уровня персидского языка.

1449 г. Убийство правителя и астронома эпохи Тимуридов – Улугбека.

1450 г. Родился художник Кемаледдин Бехзад.

1470 г. Хусейн Байкара становится правителем Герата и остается таковым до своей смерти в 1506 г.

1483 г. Родился завоеватель Индии и основатель династии Великих Моголов Бабур.

1493 г. Османы позволяют евреям-сефардам напечатать сборник еврейских законов на иврите.

1506 г. Конец династии Тимуридов в Центральной Азии.

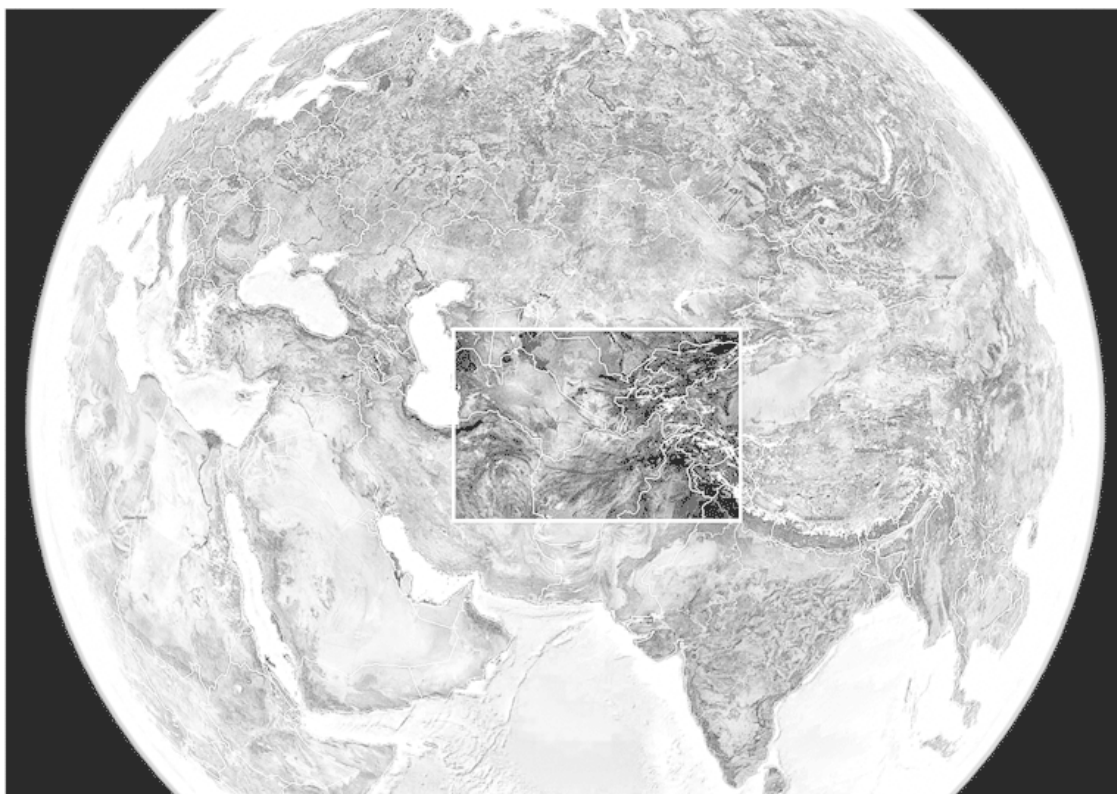
1556 г. Иезуиты вводят способ книгопечатания подвижными литерами в Индии.

1575 г. Акбару из династии Великих Моголов показывают шрифты для печати книг на персидском, но он не внедряет новую технологию.

1576 г. Уроженец Дамаска астроном Такиюддин аш-Шахи уговаривает султана финансировать обсерваторию в Константинополе по образцу обсерватории Улугбека.

1600 г. Джордано Бруно сожжен на костре за отстаивание точки зрения о множестве миров.

1620-е гг. Ватикан отправляет печатный станок с арабскими литерами в Исфахан.

Карта 1. *Карты, сфокусированные на Европе или Азии, отображают Центральную Азию как отдаленную периферию. Данный снимок со спутника представляет это место так, как его воспринимали в течение почти двух тысячелетий: Центральная Азия находится в самом*

Карта 2. *Некоторые важные города золотого века Центральной Азии*

Глава 1

Центр мира

В 999 году двое молодых людей, живущих в 400 километрах друг от друга на территории современных Узбекистана и Туркменистана, вступили в переписку. Они могли бы использовать голубиную почту, как это часто делалось в то время, но письма были слишком объемными и тяжелыми. Переписка началась, когда старший из двух – ему было двадцать восемь – отправил своему восемнадцатилетнему знакомому список вопросов на научные и философские темы. Почти все они актуальны и сегодня. Так начался словесный поединок, вылившийся в четыре длинных письма от каждого автора и напоминающий современные научные дискуссии в интернет-пространстве.

Ученых занимал вопрос: есть ли другие солнечные системы там, среди звезд? Шестьсот лет спустя Джордано Бруно (1548–1600) был сожжен на костре за то, что отстаивал принцип множества миров (фактически он обвинялся в пантеизме), но эти два человека уже тогда предполагали, что мы (земляне) не одни во Вселенной. Уникальны, может быть, но не одни. Они также размышляли над тем, была ли Земля создана целиком в одночасье или она создавалась в течение долгого времени. Они приняли идею божественного творения, но сошлись во мнении, что с тех пор планета претерпела глубокие изменения. Оба исповедовали ислам, а для мусульман, равно как и для христиан во времена Средневековья, столь открытое признание геологической эволюции приравнивалось к богохульству. Это беспокоило одного из двух ученых – Ибн Сину, поэтому он поспешил добавить замысловатый комментарий, который сделал его рассуждения более приемлемыми для богословов. Но, по сути, оба на восемь веков предвосхитили эволюционную геологию и даже ключевые моменты дарвинизма.

Не много дискуссий в истории науки так смело глядело в будущее, как эта, состоявшаяся тысячу лет назад в регионе, который в настоящее время считается развивающимся и представляет интерес в основном из-за природных ресурсов, а не интеллектуальных достижений. Мы знаем об этой переписке потому, что сохранились рукописные копии, опубликованные спустя почти тысячу лет. Двадцативосьмилетний Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (973–1048), родился у берегов Аральского моря. Он сделал открытия в географии, математике, тригонометрии, сравнительном религиоведении, астрономии, физике, геологии, психологии, минералогии и фармакологии. Его младший коллега Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн Сина, или Ибн Сина (около 980–1037), вырос в величественной Бухаре, центре интеллектуальной жизни, расположенном на территории современного Узбекистана. Он оставил свой интеллектуальный след в медицине, философии, физике, химии, астрономии, теологии, клинической фармакологии, физиологии, этике и теории музыки. Переведенный на латынь «Канон врачебной науки» Ибн Сины положил начало современной западной медицине и стал ее Библией: до 1500 года были напечатаны десятки изданий. Индийцы использовали «Канон» для разработки собственного медицинского учения, сохранившегося до сегодняшнего дня. Многие считают Бируни и Ибн Сину величайшими умами не только периода между Античностью и эпохой Возрождения, но и современности.

Позже нам придется вернуться к этой переписке, из-за которой отношения между двумя гигантами мысли изрядно испортились. Но одна деталь заслуживает особого внимания. В какой-то момент Ибн Сина написал, что проверит утверждения Бируни на соответствие мнениям авторитетных авторов. Это было новаторское признание: существуют отдельные области знаний, каждая из которых обладает своими специальными сведениями и исследованиями, и якобы он как философ и эксперт в медицине не может быть так же хорошо квалифицирован в других сферах науки, чтобы судить о них. Не менее важным является требование того, что

сегодня мы назвали бы экспертной оценкой – явный признак существования большого, компетентного и взаимосвязанного сообщества ученых и мыслителей. Ибн Сина и Бируни были отнюдь не одиноки в своих научных изысканиях. Оба отточили свои навыки в интеллектуальных спорах с коллегами-учеными, что делало их спор прямым и смелым, в нем нередко звучали обвинения вроде «Да как вы смеете?!». Но ни один из них не обратился к авторитетным источникам. Доказательства, а не авторитет – вот что имело значение.

Если быть точным, речь идет об авторитете Аристотеля. В то время несториане в Багдаде перевели его трактат «О небе» на арабский язык. Оба – и Бируни, и Ибн Сина – читали перевод и теперь спорили: можно ли подтвердить фактами заявления, сделанные в этом труде, или нет. Бируни пришлось указать на несоответствия между результатами наблюдений Аристотеля и его собственными. Ибн Сина решил не игнорировать эти затруднения, а попытался объяснить их в рамках теории самого Аристотеля, ставя под сомнение некоторые ее положения.

И Бируни, и Ибн Сина вплотную подошли к самой сути понятия «научное открытие». В своей знаменитой работе «Структура научных революций» Томас Кун отметил, что научные открытия редко, можно даже сказать, никогда, не случаются неожиданно. Наоборот, наука, по мнению Куна, – это кумулятивный процесс, при котором постепенно накапливаются расхождения между наблюдаемой действительностью и общепринятой теорией (то, что он назвал «парадигмой»). Открытия происходят, когда определенное количество таких расхождений или аномалий приводит к развитию новой теории, или парадигмы. В соответствии с новой парадигмой то, что раньше считалось аномальным, становится нормой. Ибн Сина и Бируни выявляли, анализировали и проверяли аномалии. Их усилия, равно как и достижения десятков их единомышленников из Центральной Азии, помогли свершиться будущей научной революции – уже в Европе XVI–XVII веков. Ученые из средневековой Центральной Азии и сами совершили немало научных открытий, однако при анализе их достижений мы должны учитывать не только, казалось бы, внезапные прорывы, но и весь путь развития научного знания, который они успешно прокладывали.

Что самое удивительное, Ибн Сина и Бируни – лишь две звезды, хоть и очень яркие, из плеяды великих мыслителей, живших в этом регионе тысячу лет назад. Можно привести много других примеров обмена мнениями между учеными из Центральной Азии. Иногда он проходил в дружелюбной и даже братской атмосфере: совместные исследования, в которых участвовало около десяти ученых, были широко распространены, особенно в астрономии и географии. Работа над такими совместными проектами могла длиться десятилетиями. Некоторые дискуссии изобиловали ругательствами и личными оскорблениями. Но, несмотря на тон и характер обсуждений, сотни ученых по всей Центральной Азии с удовольствием участвовали в диспутах. Они были уверены, что споры можно разрешить, используя разумные доводы.

Ученые и мыслители работали не в изоляции от общества. Философы и богословы конкретизировали и уточняли скрытый смысл новейших научных теорий, иногда ободряя новаторов, иногда споря с ними. Строгие и требовательные, эти ученые мужи хотели постичь не только объективную реальность, но и то, что выходило за пределы рационального. Это был открытый научный и философский форум. «Соли» интеллектуальной жизни добавляли поэты, музыканты и художники, которые создавали свои бессмертные произведения в тех же городах. Шедевры искусства оставили в истории не меньший след, чем научные трактаты.

То была воистину эпоха Просвещения – несколько веков культурного расцвета, в течение которых Центральная Азия являлась интеллектуальным центром мира. Индия, Китай, Ближний Восток, Европа – все хвалялись богатыми традициями в области научных открытий, но в течение четырех или пяти столетий около 1000 года именно Центральная Азия, объединявшая все эти регионы, стала центром духовной жизни. Она была подобием моста между временами и странами, став связующим звеном между античностью и современным миром. В гораздо большей степени, чем осознают сегодняшние европейцы, китайцы, индийцы или жители Ближнего

Востока, все они являются наследниками богатства, которое было накоплено во время невероятного культурного и интеллектуального подъема в Центральной Азии, пик которого пришелся на эпоху Ибн Сины и Бируни.

Время и место

Сложно точно определить временные рамки этой великой творческой эпохи. Ее начало принято связывать с арабским завоеванием этого региона, начавшимся в 650 году и затянувшимся до 751 года. Правильнее будет считать началом эпохи Просвещения в Центральной Азии 750 год. Тогда, пользуясь поддержкой сначала шиитов Хорасана и Мавераннахра, а затем и всего исламского населения Ирана, Аббасиды (потомки одного из дядей пророка Мухаммеда) сокрушили Омейядский халифат в Дамаске и основали новую столицу в Багдаде. Вскоре последовала гражданская смута между двумя сыновьями Харуна ар-Рашида, претендентами на титул халифа. Победил в 819 году тот (аль-Мамун), кого поддерживали воины Хорасана и Хорезма. Эти события, которые были сродни повторному завоеванию исламского мира с востока, дали толчок бурному развитию культуры.

Какая энергия подпитывала неожиданный расцвет? К сожалению, мы немного знаем об интеллектуальной жизни доисламской Центральной Азии. Но отдельные факты указывают на то, что Центральная Азия вступила в свой золотой век с богатым культурным и интеллектуальным багажом как в светской, так и в религиозной сферах. Как мы увидим далее, процесс исламизации в регионе шел очень медленно и разнообразные «интеллектуальные традиции», включая исламскую, развивались бок о бок вплоть до 1000 года и дальше. Для взаимного обогащения идеями было достаточно времени.

Однако вот самый спорный вопрос: когда эпоха расцвета интеллектуальной жизни закончилась? Принято считать, что это произошло после монгольского завоевания Центральной Азии, которое Чингисхан начал весной 1219 года. Но это оказывается одновременно и слишком рано, и слишком поздно. Слишком рано – из-за нескольких всплесков культурного подъема, которые произошли после того. Слишком поздно – потому что интеллектуальный и религиозный кризис, пошатнувший всю конструкцию из рационалистических изысканий, логики и мусульманского гуманизма, произошел за сто лет до монгольского завоевания, когда богослов аль-Газали ограничил практику логических рассуждений с использованием разумных доводов, опроверг общепринятые положения о причинно-следственных связях и заявил о «самоопровержении философов»². Тот факт, что сам он одновременно был проникательным, тонким мыслителем и вел благочестивую жизнь, сделал его критику еще более эффективной.

С учетом вышесказанного справедливо определить начало и конец этой великой интеллектуальной эпохи как 750 и 1150 годы соответственно, включая все важные события, произошедшие как до этого периода, так и после него.

Важно также определить географию центральноазиатского культурного расцвета. Это тоже нелегко. Тот, кто рассматривает регион сквозь призму арабской религиозной и политической истории, расплывчато представляет себе Центральную Азию как «исламский Восток», который начинается где-то в восточном Иране и уходит в небытие дальше на востоке или на юге³. Сторонники данного подхода считают, что большинство учений, будь то арабские или европейские, возникло в Средиземноморье, и оттуда они распространились в другие части земного шара. Специалисты, придерживающиеся этой точки зрения, пишут о существовании в Центральной Азии «сети городов и прилегающих к ним районов»⁴, но при этом не признают

² Выдержки из Arthur Hyman and James J. Walsh, eds., *Philosophy in the Middle Ages* (Indianapolis, 1973), 283–92 С. 283–92.

³ Примечательная, но в итоге незавершенная попытка вырваться за эти рамки, принадлежит Элтону Л. Дэниелу: Elton L. Daniel, "The Islamic East," in *The Formation of the Islamic World, Sixth to Eleventh Centuries*, ed. Chase F. Robinson, *The New Cambridge History of Islam* (Cambridge, 2010), 1:459–79. См. также: S. Frederick Starr, "In Defense of Greater Central Asia," Policy Paper, Central Asia-Caucasus Institute / Silk Road Studies Program, 2008, <http://www.silkroadstudies.org/new/docs/Silkroadpapers/0809GCA.pdf>.

⁴ Daniel, "The Islamic East". С. 449.

индивидуальных черт, которые отличают эти города и районы от других оседлых зон дальше на западе.

Между тем в течение трех с половиной поколений, живших при советской власти, мы привыкли думать о Центральной Азии как о регионе, включающем в себя только Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, то есть пять бывших советских республик, которые стали независимыми государствами в 1991–1992 годах. Но множество экспертов признало существование гораздо более широкой культурной зоны в центре Азии, существовавшей последние две тысячи лет, включающей в себя не только те области, которые в настоящее время являются новыми государствами, но и многие другие.

Афганистан считался центром этой широкой культурной зоны, равно как и прилегающие регионы Северного Пакистана. Территория, соответствующая современному автономному району Синьцзян в составе КНР, также входила в указанную культурную зону. Она была в основном тюркской и мусульманской до прихода к власти коммунистов в 1949 году. Не менее важной частью центральноазиатской культурной среды был древний Хорасан, или Земля восходящего солнца. В настоящее время обладающая скромным статусом пустынной провинции на крайнем северо-востоке Ирана, историческая область Хорасан когда-то включала в себя большую часть западных территорий Афганистана и юг Туркменистана. В культурном отношении Хорасан неотделим от регионов, которые позже попали под советское влияние, в частности от Афганистана и на Синьцзяна. Несмотря на различия в языке, этнической принадлежности, национальности и географии, жители всех этих регионов принадлежали к одной, пусть и многонациональной, культурной зоне.

Каждый, кто ищет простое и однозначное объяснение всплеска интеллектуальной жизни в средневековой Центральной Азии, будет поставлен в тупик разнообразием ландшафтов в регионе⁵. Северный пояс травянистых степей протянулся практически до Сырдарьи, центральная полоса пустынь и орошаемых оазисов простирается с перерывами почти до Афганистана, а затем продолжается снова в Гильмендской долине Афганистана. Третья полоса – горы – протянулась единым массивом к югу и выступает на север вдоль современной западной границы Китая.

Помимо этих радикальных контрастов стоит отметить, что каждая географическая зона представляет собой крайность, которую не отыскать где-либо еще в мире. Степи Казахстана являются частью крупнейшего степного массива на земле, средняя пустынная зона включает в себя Такла-Макан – пустыню настолько сухую, что огрызки яблок могут сохраняться в ее песке в течение трех тысяч лет. Горные цепи Памир и Каракорум гораздо выше Альп. Один из пиков Каракорума в Кашмире – К2 – всего на 233 метра ниже Эвереста, и это только один из многих пиков, вздымающихся на восемь километров в высоту. Это самая большая концентрация гор такого масштаба в мире.

Пейзаж, мягко говоря, суровый. Общая площадь культурной области «Большой Центральной Азии»⁶ меньше, чем восток Соединенных Штатов или вся Западная Европа, а большая часть всех трех составляющих ее зон практически необитаема. Три основные реки – Сырдарья, Амударья и Гильменд – ранее использовались в качестве транспортных путей, но ни один из них не обеспечивал выхода к внешнему миру. Хуже того, из-за открытой местности и неудобного расположения горных цепей весь регион подвергался вторжениям извне, которые происходили так же часто, как междоусобные войны в самом регионе.

Одна из трех географических зон – орошаемые пустыни – являлась районом наибольшей интеллектуальной активности, но эта территория не функционировала в отрыве от двух других.

⁵ B. A. Litvinsky and Zhang Guang-da, "Historical Introduction," in *History of Civilizations of Central Asia*, ed. B. A. Litvinsky (Paris, 1992–2005), 3:25–26.

⁶ Starr, "In Defense of Greater Central Asia".

Действительно, без постоянного экономического и социального взаимодействия между оази-сами и степью интеллектуальный процесс никогда бы не развернулся известным нам образом.

Знакомство с главными действующими лицами

Прежде чем погрузиться в долгую и запутанную драму эпохи Просвещения Центральной Азии, давайте последуем примеру Гете и позволим некоторым основным героям, подобно действующим лицам драмы «Фауст», поклониться публике. Гораздо удобнее будет, если они выйдут на сцену не толпой, а по очереди, в соответствии с областями знаний, в которые они внесли наиболее весомый вклад. При этом, однако, необходимо сделать два важных отступления.

Во-первых, это был век эрудитов, которые обладали поистине энциклопедическими знаниями и внесли свой вклад в шесть или более научных областей. Более того, само понятие отдельных дисциплин было чуждо их мышлению, это продукт более поздней эпохи. Для ученых интересующего нас периода важнее всего было собирать знания, систематизировать их и составлять энциклопедии. Похожий путь привел одного античного писателя – Плиния Старшего – в 77 году к созданию «Естественной истории», за ним в середине VI века последовал Кассиодор. Но, несмотря на огромное количество и разнообразие трудов, никто не смог затмить энциклопедистов из Центральной Азии. Их страсть к тщательному собиранию и анализу данных распространялась на все аспекты природы и жизни человека. Таким образом, эпоха Просвещения в Центральной Азии предвосхитила европейскую эпоху Просвещения XVIII века, когда французский философ Дени Дидро опубликовал свою знаменитую «Энциклопедию», а швед Карл Линней классифицировал растительный и животный мир.

Во-вторых, наши суждения об отдельных мыслителях и ученых несколько искажены в связи с тем, что лишь небольшая часть их работ дошла до нас. Значительное количество трудов ученых и мыслителей, которые считались светилами интеллектуального мира, утеряно, или о них известно лишь посредством случайных цитат из других работ. Мы знаем, что Ибн Сина написал более 400 трудов объемом от нескольких страниц до нескольких томов, но только 240 из них дошли до нас в разной форме, из них лишь малая часть отредактирована и опубликована. Бируни, как известно, написал 180 работ, из которых сохранились только 22⁷. Но проблема не только в этом. Большое количество сохранившихся рукописей до сих пор пылится в архивах, ожидая, когда их отредактируют, напечатают и выпустят на арабском или персидском языке, не говоря уже о переводе. Судя по качеству книг, которые недавно увидели свет, еще не переведенные и не отредактированные труды заслуживают не меньшего внимания, чем уже опубликованные. Только 13 работ Бируни сейчас доступны широкому кругу читателей, а это лишь 7 % от всего, что он создал. Самоотверженные ученые во многих странах добились прогресса в решении этой задачи, но многое еще предстоит сделать. И поэтому мы пока ограничены теми произведениями, которые сохранились до наших дней и были опубликованы в современных изданиях.

Давайте же начнем наше краткое знакомство с главными героями. В астрономии мы могли бы начать с аль-Хорезми, родившегося на территории, которая сейчас является Западным Узбекистаном. Он и еще несколько астрономов Центральной Азии занимались измерением длины земного градуса меридиана и разработкой таблиц построения горизонтальных солнечных часов, которые были точно отрегулированы по географической широте⁸. Он также спроектировал инструмент, который использует квадранты синуса для получения численных решений задач сферической астрономии. Астрономические исследования Бируни привели его

⁷ John. J. O'Connor and Edmund. F. Robertson, "Abu Ali al-Husain Ibn Abdallah ibn Sina (Avicenna)," <http://www-history.mcs.st-andrews.ac.uk/Biographies/Avicenna.html>; E. S. Kennedy, "Al-Biruni (or Beruni), Abu Rayhan," in Dictionary of Scientific Biography, ed. C. G. Gillispie (New York, 1981), 2:152.

⁸ Д. Кинг недавно оспорил участие аль-Хорезми в этом проекте, но вопрос остается открытым, при любых обстоятельствах аль-Хорезми был ключевой фигурой в исламской астрономии в тот период. D. King, "Too Many Cooks... A New Account of the Earliest Muslim Geodetic Measurements," *Suhayl* 1 (2000): 207–41.

к выводу, что планетарные орбиты могут быть эллиптическими, а не круговыми, а апогей Солнца изменяется предсказуемым образом. В отличие от Аристотеля и его последователей, которые использовали натурфилософию для решения научных проблем, он утверждал, что такие вопросы могут быть решены только с помощью математической астрономии. Недавно среди планет, вращающихся вокруг других звезд в нашей галактике, были обнаружены планеты с эллиптическими орбитами, что резко сократило количество предположительно обитаемых экзопланет. Об учителе и близком друге Бируни – Абу Насре Мансуре ибн Али ибн Ираке – говорили, что он «второй после Птолемея», но почти ничего из огромного количества его работ по астрономии не сохранилось.

Аль-Ходженди (с северо-запада Таджикистана) построил большой секстант и произвел несколько очень точных измерений наклона эклиптики. В частности, он измерил угол, образуемый плоскостью, перпендикулярной оси Земли, и угол, в котором Земля и Солнце перемещаются по отношению друг к другу. Конечно, он все еще предполагал, что Солнце вращается вокруг Земли, но его измерения представляют собой важный шаг вперед в изучении этой взаимосвязи. Он также разработал инструмент, который позволяет применить сферическую тригонометрию для решения астрономических задач.

Аль-Фергани (из Ферганской долины на территории современного Узбекистана) написал трактат о главном средневековом астрономическом инструменте – астролябии, который позже получил широкую известность среди европейских читателей. Он также написал исследование по астрономии, ставшее самой известной в Европе «арабской» работой в этой области. Среди его многочисленных читателей был и Христофор Колумб, который жил спустя 600 лет после Фергани. Мореплавателем использовал вычисление окружности Земли, которое сделал центральноазиатский ученый – $56 \frac{2}{3}$ тысячи миль. Аль-Фергани производил расчет в арабских милях, но Колумб, желая сократить расстояние между Европой и Китаем до максимально возможной степени, решил, что это были римские мили. Наряду с несколькими другими вычислительными ошибками это на четверть сократило расстояние, которое Колумб должен был преодолеть, и поэтому «адмирал моря-океана» ожидал найти Сипанго (Японию) примерно на том же меридиане, что и Виргинские острова. Расчеты Колумба оказались крайне неточными, но это сыграло ему на руку, когда он представил свой проект для получения финансирования у короля Португалии, а затем при испанском дворе⁹.

Некоторые центральноазиатские ученые составили астрономические таблицы потрясающей точности. Улугбек, правитель Самарканда, на протяжении всей жизни увлеченно занимавшийся астрономией, определил длину звездного года лучше, чем Коперник, и измерил наклон оси Земли настолько точно, что его вычисления используются и сегодня. Ученик Улугбека, Али Кушчи, считал, что движение комет является доказательством возможности вращения Земли, и он был первым, кто объявил о полной независимости астрономии от натурфилософии.

В математике аль-Хорезми был первым, кто разработал теорию линейных и квадратных уравнений. Это позволило найти ключ к различным арифметическим и геометрическим задачам. В результате появилась книга под названием «Алгебра», определившая название этой области знаний, а термин «алгоритм» – искаженная форма имени ученого. Аль-Хорезми значительно углубил область сферической астрономии и сделал больше, чем кто-либо другой, для популяризации десятичной системы, изобретенной в Индии. Его друг аль-Марвази (родился в Мерве, на территории современного Туркменистана) ввел в тригонометрию понятия тангенса и котангенса. Бируни был одним из нескольких ученых Центральной Азии, выступавших за заимствование концепции нуля и отрицательных чисел из Индии и проложивших новые пути для их использования. Несколько центральноазиатских ученых боролись за первенство в раз-

⁹ Samuel Eliot Morrison, *Admiral of the Ocean Sea*, 2 vols. (Boston, 1942), 1:87.

вители тригонометрии и ее утверждению в качестве самостоятельной области знаний. Она была заново открыта в Италии в XVII веке¹⁰.

Поэт Омар Хайям создал геометрическую теорию кубических уравнений, что стало настоящим прорывом, как и то, что он ввел соотношения в арифметический язык. Хайям был первым, кто идентифицировал и классифицировал четырнадцать типов уравнений третьей степени и предложил геометрические доказательства для многих уравнений, которые ранее ставили экспертов в тупик. Он также был одним из первых, если не самым первым, кто ввел понятие «иррациональные числа». В попытке доказать аксиому Евклида о том, что параллельные линии не пересекаются, он создал новую теорию параллелей. Два советских историка науки пришли к выводу, что некоторые теоремы, выведенные Хайямом в его теории параллелей, были «по существу тем же, что и первые теоремы неевклидовой геометрии Лобачевского и Римана»¹¹. Оба ученых, следует отметить, жили на 700 лет позже Хайяма.

В сферу оптики заметный вклад внес Ибн Сахль – родом из района, который находится сейчас на приграничной территории между Туркменистаном и Ираном. Он написал важный трактат о применении изогнутых зеркал для фокусировки света. Опираясь на работы своих предшественников, он также решил проблему использования линз для фокусировки света в точку. Эту задачу не могли решить античные ученые. В процессе работы он открыл закон преломления. «Канон врачебной науки» Ибн Сины содержит убедительные рассуждения о влиянии окружающей среды на здоровье, а также о необходимости того, что мы сегодня называем профилактической медициной. Он исследовал методы лечения сотен болезней, в том числе психосоматических. Помимо Ибн Сины, несколько других центральноазиатских ученых создали объемные труды по практической и теоретической медицине. Один из них, обучавшийся в Центральной Азии, Абу Бакр Мухаммад ар-Рази, был самым смелым диагностом и хирургом Средневековья. Фармакология также привлекала многих ученых-новаторов этого региона, в том числе тех, кто не имел никакого отношения к медицинской практике¹². Бируни в своей книге об Индии опередил Мальтуса, спрогнозировав быстрое размножение и исчезновение биологических видов¹³.

Широкомасштабные изыскания в области лечебных свойств растений сопровождалось исследованиями в сфере химии с целью определить твердость и другие свойства минералов. Опираясь на работы Архимеда, Бируни оказался первооткрывателем на этом поприще. Он стал первым в мире, кто измерил твердость минералов и их удельный вес. Персидский ученый, получивший образование в Центральной Азии, первым описал обратимые реакции. Обширная разработка полезных ископаемых в регионе вдохновила многочисленных местных исследователей на новаторские изыскания в области химии. К сожалению, мы знаем о них только благодаря случайным упоминаниям в литературе.

Геология и науки о земле также значительно продвинулись за эти чудесные века. Ибн Сине и Бируни приписывают создание первой теории о формировании гор вследствие глубинных геологических перемещений, которая получила признание только в последние столетия. Они также сформулировали важную гипотезу о том, что многие участки суши когда-то были дном моря.

География тоже процветала. Махмуд аль-Кашгари создал первую карту, на которой была обозначена Япония. Многочисленные астрономы и специалисты по тригонометрии использовали свои навыки для определения широты и долготы сотен мест – от Индии до Средизем-

¹⁰ G. B. Nicolosi and J. L. Berggren, "The Mathematical Sciences," in *History of Civilizations of Central Asia*, ed. M. S. Asimov and C. E. Bosworth (Paris, 1992–2005), 4:192.

¹¹ A. Youschkevitch and B. A. Rosenfeld, "Al-Khayyami (or Khayyam)," in *Dictionary of Scientific Biography*, 7:330.

¹² Джалилов А. Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем Средневековье. – Душанбе, 1973. – С. 50–56.

¹³ Бируни Абу Рейхан. Индия / Пер. А. Халидова. Ю. Завадовского. – М., 1995. – С. 348.

номоря. Один исследователь из Балха придумал инновационный способ картографирования Земли, основанный на применении сферической геометрии и математики. Это повлекло за собой создание новой географической школы.

Вне всякого сомнения, величайшим географическим достижением эпохи стала работа уже известного нам Бируни, который использовал астрономические данные с целью доказать существование обитаемого массива суши где-то между Атлантическим и Тихим океанами. Удивительный процесс, который привел к первому «открытию Америки», подробно описывается в одиннадцатой главе. Это торжество математика и геометра над метафизиками и богословами. Стало ясно, что ученый, который ведет уединенный образ жизни, может быть таким же смелым исследователем, как и бесстрашный мореплаватель, верящий, что земля появится на горизонте и что рациональный анализ может быть даже более эффективным инструментом для открытий, чем мореплавание.

Центральная Азия породила много талантливых историков. Бейхаки из Хорасана написал очень важную историю одной из держав региона – государства Махмуда Газневи, простиравшееся от Индии до Ближнего Востока. Позднее потомок Тамерлана (Тимура) Бабур напишет «Бабур-наме» – необычную для исламского мира автобиографию, в которой он рассказал о том, как он правил в Центральной Азии, завоевал Афганистан и создал будущую империю Великих Моголов в Индии. Но основное внимание большинства историков Центральной Азии было сосредоточено, что характерно, на их родных городах, где процветала культурная жизнь, и великих правителях, которые изменили судьбу региона. Впоследствии перс из Хамадана Рашид ад-Дин написал первую в мире всеобщую историю¹⁴.

Самым проникновенным исследователем центральноазиатского общества был Бируни, который основал такую область знаний, как антропология, и стал пионером в сфере межкультурных исследований и сравнительного религиоведения¹⁵. Не будет преувеличением сказать, что Бируни оказался величайшим социологом в период между Фукидидом и современностью. Для сравнения: Гуго Гроций (1583–1645), Томас Гоббс (1588–1679), Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694) и Джон Локк (1632–1704) предпочитали теоретизировать об обществе, нежели изучать его. Махмуд из Кашгара (в настоящее время находится на территории Синьцзяна, в Китае) был тюркологом и этнографом, который создал сравнительную лингвистику как область знаний. Юсуф Баласагуни (из Баласагуна, сейчас на территории Киргизии) и Низам аль-Мульк (из Нишапура в Хорасане) умело вплетали философские принципы в политическую реальность, создавая руководства для правителей¹⁶. Эрудит аль-Фараби (из Отрара в Южном Казахстане) написал важный теоретический трактат об идеальном городе. В нем утверждается, что любое общество, которое не в состоянии воспользоваться мудростью мыслителей, может винить в своих бедах только себя¹⁷.

Предмет гордости центральноазиатской интеллектуальной жизни – философия. Выходцы из региона погрузились в эту область с такой страстью и рвением, что значительно обошли всех остальных ученых этой эпохи; их сочинения оказали решающее влияние как на мусульман во всем мире, так и на христианский Запад. Космополитичная, индивидуалистическая и глубоко гуманистическая философия Центральной Азии была в то же время в глазах ее критиков скептической, дерзкой и нечестивой. Она достигла своего апогея при Фараби, которого называли «Вторым учителем» после Аристотеля. Он с Ибн Синой добился того, что многие считают гармоничным сочетанием разумных доводов и божественных откровений, логики и метафи-

¹⁴ Lenn E. Goodman, *Islamic Humanism* (Oxford, 2003), 202–3.

¹⁵ См. главу 11, также см.: Akbar S. Ahmed, "Al-Beruni, The First Anthropologist," *RAIN*, Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 60 (February 1984): 9–10.

¹⁶ Баласагунский Юсуф. *Благодатное знание*. – М.: Наука, 1983; Сиасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. – М.; Л.: Наука, 1949.

¹⁷ Goodman, *Islamic Humanism*, 8.

зики, учений Аристотеля и неоплатоников¹⁸. Великий немецкий ученый Адам Мец заявил, что гуманизм европейского Возрождения был бы невозможен без раннего расцвета философских исследований в Центральной Азии¹⁹.

Логика, в значительной степени игнорируемая сегодня, была важным инструментом всех тех, кто сражался на интеллектуальных баррикадах в Средние века. Благодаря Фараби и другим центральноазиатским логикам строгие принципы этой науки утвердились, выступив в качестве главного инструмента для достижения истины. Ибн Сина вместе с другими мыслителями показал, как логика может быть применена в математических науках. На Западе между тем логика Аристотеля проиграла схоластике.

Библиотек, важного инструмента всех ученых и исследователей, в Центральной Азии было множество. Работе Ибн Сины был дан мощный толчок, когда он получил доступ к эмирской библиотеке в Бухаре, а ближневосточный ученый Якут аль-Хамави пересек Евразию, чтобы воспользоваться богатыми библиотеками Мерва. Другие большие собрания книг находились в Гургандже – на севере региона, в Балхе – на юге, в Нишапуре – на западе и в Самарканде. Вне всякого сомнения, в каждом крупном центральноазиатском городе в то время была одна или несколько библиотек, одни из них публичные, другие – частные. Мыслители Центральной Азии были среди главных посетителей библиотеки халифа в Багдаде, построенной в основном учеными этого региона. На Западе к тому времени тоже имелись библиотеки, их число увеличилось после 780 года, когда Карл Великий разослал приказ о копиях примечательных и редких книг²⁰, но классических текстов в них было несравнимо меньше, чем в библиотеках Центральной Азии. И тем более Запад не мог сравниться с Центральной Азией по количеству букинистов, заполонивших каждый крупный центральноазиатский город, а также аукционов книг и рукописей, которые привлекали не только простых людей, но и состоятельных покупателей.

Что можно сказать об этих мыслителях в целом как о группе? Интеллектуалы золотого века Центральной Азии утверждали, что существует не одно, а множество средств достижения научных истин, в их числе дедукция, логическая аргументация, интуиция, эксперименты и наблюдения. Используя все это, они развили и углубили научную деятельность²¹. Не менее важен тот факт, что они считали правила, установленные ими в каждой из этих областей, применимыми в равной степени и к простому, и к сложному – и к бытовым вещам, и к движению светил. Эта универсальность часто рассматривается как важное достижение научной революции в эпоху Исаака Ньютона²². Но до этого она уже была принята как факт большинством ведущих ученых Центральной Азии.

Богословие также достигло пика в Центральной Азии в ту эпоху. Ибн Сина был лишь одним из многих мыслителей, кто исследовал рациональную основу религии, признавая при этом тайны откровения и веры. Некоторые были приверженцами рационального взгляда на религию – в частности, мутазилиты. Хотя и не основанная учеными Центральной Азии, эта важная и противоречивая школа нашла своих ярких приверженцев именно на данной территории. Помимо всего прочего, рассматриваемый регион – родина Хиви аль-Балхи, Абу Бакра ар-Рази и Ибн ар-Раванди, критиков религии и атеистов.

¹⁸ M. J. L. Young, J. D. Latham, and R. B. Serjeant, eds., *Religion, Learning and Science in the Abbasid Period* (Cambridge, 1990), 395.

¹⁹ Adam Mez, *Die Renaissance des Islams* (Heidelberg, 1922), цит. по: Joel Kraemer, *Humanism in the Renaissance of Islam* (Leiden, 1986), 3.

²⁰ Rosamond McKitterick, "Eighth Century Foundations," in *The New Cambridge Medieval History*, ed. McKitterick (Cambridge, 1995), 2:709.

²¹ Seyyed Hossein Nasr, "The Achievements of Ibn Sina in the Field of Science and His Contributions to Its Philosophy," *Islam and Science* 1, 2 (December 2002), <http://find.galegroup.com/itx/printdoc.do?contentSet=IAC-Documents&docType-IAC&isll>.

²² Хорошее описание этой идеи содержится в работе: Peter Dolmnick, *The Clockwork Universe: Isaac Newton, the Royal Society, and the Birth of the Modern World* (New York, 2011).

В то же время жили те, кто обрел веру только через откровение или слова Пророка. Почитаемая мусульманами книга – собрание хадисов, или изречений, пророка Мухаммеда – работа центральноазиатского ученого аль-Бухари; помимо этого, из шести сборников хадисов, считающихся каноническими для мусульман-суннитов (и большинства шиитов), пять сборников были составлены учеными Центральной Азии²³. Одна из четырех школ суннитского исламского права была основана центральноазиатским ученым, а вторая нашла там наиболее близкое по духу пристанище. Кроме того, самым пылким защитником суннитской ортодоксии был Низам аль-Мульк из Хорасана; он придал медресе (мусульманским школам) ту цель и форму, которые они сохраняют и сегодня. Разительно отличались от рационалистов и традиционалистов те, кто придерживался мистического течения, известного как суфизм. Это движение также нашло раннее выражение и приобрело наибольшее влияние в Центральной Азии, где Наджм ад-дин Кубра, Ахмад Ясави и Бахауддин Накшбанд учредили несколько крупных суфийских орденов.

Эпоха Просвещения богата непревзойденными достижениями в искусстве и литературе. У суфийских поэтов Джалаладдина Руми (родился в Балхе на территории современного Афганистана) и Омара Хайяма множество почитателей во всем мире и в наши дни. Ранние поэты Рудаки и Асджади стоят у истоков великой персидской литературной традиции. Колоссальная панорама иранской цивилизации, поэма «Шахнаме», установила мировой стандарт для других национальных эпосов. Ее автор Фирдоуси был родом из Хорасана, и большая часть его эпопеи описывает Центральную Азию, а не земли, которые в настоящее время находятся на территории Ирана. Почти все ученые, в том числе Ибн Сина, писали по крайней мере часть своих произведений в стихах.

Процветали также архитектура и живопись. В 1108–1109 годы в Джаркургане (современный Узбекистан) из обожженного кирпича был построен потрясающий минарет с многочисленными колоннами. Он стоит до сих пор, как и мавзолей сельджукского султана Санджара, созданный в 1157 году, а в настоящее время отреставрированный. Оба сооружения разработаны архитекторами из Серахса (на границе Туркменистана и Ирана): Али ибн Мухаммедом Серахси и Мухаммедом ибн Атсызом аль-Серахси. Римские архитекторы использовали двойной купол в Пантеоне в начале II века, но знание этого инновационного метода, кажется, вскоре исчезло. Тем не менее этот метод вновь был использован в огромном мавзолее Санджара в Мерве и в меньших сооружениях в Хорасане. Со временем технология такого строительства прошла путь через Иран и Ближний Восток и была реализована архитектором Брунеллески при строительстве купола собора Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции. Подобные сооружения можно найти в других городах по всей Европе и Америке. Кроме того, ромбический узор на кирпичной кладке минарета Калян в Бухаре (XII век) был позже повторен на стенах Дворца дождей в Венеции²⁴.

Живопись имела глубокие корни в домусульманской культуре региона. Вопреки запрету на изображение человека изобразительное искусство продолжало свое существование в мусульманскую эпоху и даже пережило «великое возрождение» в конце исследуемого периода. Камалиддин Бехзад из Герата (в современном Афганистане) является одним из величайших художников позднего Средневековья, его невероятные книжные иллюстрации и миниатюры – одно из лучших достижений исламского искусства. В то время как ремесленники из других стран часто не указывали авторство своих работ, в Центральной Азии многие ювелиры и литейщики из бронзы подписывали свои произведения, по праву гордясь даже утилитарными

²³ С. Е. Bosworth, "Legal and Political Sciences in the Eastern Iranian World," in *History of Civilizations of Central Asia*, 4:133.

²⁴ Об этом и других поразительных примерах такого влияния говорится в работе: *Bazaar to Piazza: Islamic Trade and Italian Art, 1300–1500* (Berkeley, 2002).

изделиями. Прекрасные ткани из этого региона так ценились на Западе, что попали в сокровищницы многих европейских соборов, где хранятся по сей день.

Люди, которые внесли конструктивный вклад в науку и искусство, не были безымянными тружениками или аскетами. Напротив, они вели активный образ жизни, путешествовали, встречались с покровителями, принимали участие в жарких спорах с коллегами. Несмотря на то, что мусульманство – строгая религия с большим количеством запретов, многие, если не большинство, позволяли себе вино, а поэт Анвари был в своих произведениях столь откровенным, что современный мусульманский редактор сказал: «Большая часть его сочинений непригодна для перевода»²⁵. В общем, они были энергичными, любящими жизнь – это тот тип людей, который накладывает отпечаток собственной личности на свои работы и на окружающих.

Великий швейцарский историк Якоб Буркхардт утверждал, что «развитие индивидуума» является отличительной чертой итальянского Возрождения: он проводил четкую границу между этой динамичной эпохой и Средневековьем. Даже если кто-то подкорректирует это высказывание, мы все равно должны признать за мыслителями и художниками из Центральной Азии, собравшимися на сцене перед нами, те же заслуги. Они открыли (или переоткрыли) человеческую индивидуальность за полтысячелетия до Леонардо да Винчи. Возможно, в этом и заключается их величайшее новаторство²⁶.

²⁵ К. В. Nasim, Hakim Aiuhad-ud-Din Anwari (Lahore, n.d), 167n.

²⁶ J. Burckhardt, *The Civilization of the Renaissance in Italy* (New York, 1958), 143; ср. любопытное обсуждение этого вопроса в книге: Joel L. Kraemer, *Humanism in the Renaissance of Islam*, 11–12.

Сословие интеллектуалов

Даже поверхностный и неполный перечень имен и свершений подтверждает, что средневековые ученые Центральной Азии не были простыми «передатчиками» древнегреческих достижений, они сами были первооткрывателями в разных областях. Масштаб и диапазон их достижений побуждают задать вопрос: «Кто были эти люди?» Они не подходят ни под один стереотип, но все-таки необходимо сделать несколько обобщений, начиная с их этнической идентификации.

Во многих (если не в большинстве) западных работах вплоть до сегодняшнего дня Ибн Сина, Бируни, аль-Хорезми, Фараби, аль-Газали и другие называются арабами. Эту грубую ошибку можно найти даже в некоторых наиболее авторитетных европейских и американских трудах по истории философии и науки²⁷. Да, большинство центральноазиатских мыслителей в эту эпоху писали на арабском языке. Действительно, принятие арабского в качестве единого общепринятого языка для интеллектуального обмена во всем исламском мире имело огромное значение для создания международного форума идей. Впечатляет скорость, с которой арабский язык впитывал незнакомые понятия и адаптировался к потребностям научной и технической коммуникации. Но именно ученые Центральной Азии благодаря своим многочисленным произведениям обогатили арабский язык новыми понятиями и терминами. Это происходило почти в то же время, когда латинский язык на Западе терял статус универсального языка и становился языком религии. Как выразился французский ученый Жак Буссар: «Латинский язык постепенно деформировался и упрощался и, наконец, уступил место новому, чрезвычайно грубому и нецивилизованному языку – вульгарной латыни»²⁸.

Ученый из Центральной Азии, писавший на арабском языке 1000 лет назад, был не больше арабом, чем японец, который писал книги на английском языке, был бы англичанином. Может, большинство упомянутых выше писателей и мыслителей и провели свою профессиональную жизнь в арабоязычной среде, но арабский язык не являлся для них родным, и сами они не были арабами. Ричард Фрай из Гарварда насмешливо заметил: «Примечательно, что за некоторым исключением большинство мусульманских специалистов, как по религии, так и по науке, не были арабами»²⁹. Когда ученый-араб XI века составил список всех «достойных похвалы людей эпохи», которые писали на арабском языке, треть от общего числа перечисленных – 415 – оказалась выходцами из Центральной Азии³⁰. Из оставшихся двух третей более половины являлись персами из того региона, который сейчас является частью Ирана. Превосходство Центральной Азии наиболее заметно в области естественных наук, философии и математики – ученые из этого региона составляли до 90 % от общего количества³¹. Большинство из них имели иранское происхождение и говорили на разных иранских языках, но много было и тюркоязычных. Таким образом, их родные языки принадлежали либо к иранской группе, либо к тюркской семье.

Были ли они иранцами или турками в том смысле, как мы понимаем это сегодня? Тысячу лет назад не существовало ни Ирана, ни Турции. Народы, которые говорили на разных язы-

²⁷ См., например, Peter Adamson and Richard C. Taylor, eds., *The Cambridge Companion to Arabic Philosophy* (Cambridge, 2005); Roshdi Rashed, ed., *Encyclopedia of the History of Arabic Science*, 3 vols. (London, 1996); Jim al Khalili, *The House of Reason: How Arabic Science Saved Ancient Knowledge and Gave us the Renaissance* (London, 2011).

²⁸ Jacques Boussard, *The Civilization of Charlemagne* (New York, 1968), 18.

²⁹ Richard N. Frye, *The Golden Age of Persia* (London, 1975), 150.

³⁰ Цитата Абу Мансура ат-Талиби (961–1039) в работе A. Afsahzod, "Persian Literature," in *History of Civilizations of Central Asia*, 4:370.

³¹ См. главу 6. См. также: Джалилов А. Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем Средневековье. – С. 42.

ках и диалектах, принадлежащих к иранской группе и тюркской семье языков, проживали на обширной территории, простиравшейся далеко на восток от современного Ирана и до XI века не включавшей в себя какую-либо часть той территории, где сейчас находится Турция. Современным туркам было бы очень сложно понять тюркские языки Центральной Азии X века, как и житель Тегерана, несомненно, не смог бы понять согдийский, бактрийский или хорезмийский языки, несмотря на то, что все они принадлежат к иранской группе. Эти разные иранские и тюркские народы встретились и смешались на территории Большой Центральной Азии, где с самого начала они принадлежали многонациональной, но подлинной и самобытной культуре.

Географическое положение Центральной Азии сыграло значительную роль в формировании их особенной идентичности. Благодаря близости к Индии и Китаю жители Центральной Азии установили прямые торговые контакты с этими странами, а также с Ближним Востоком. В то же время даже находящиеся дальше на западе носители иранских или тюркских языков стремились в основном на Ближний Восток, Кавказ и в Европу³². Таким образом, говорить по-ирански или по-турецки тысячу лет назад – не то же самое, что делать это сейчас.

С древнейших времен считалось, что люди персидского происхождения в Центральной Азии отличаются от носителей персидского языка на той территории, которая сейчас является Ираном. Геродот отмечал, что Персидская империя Дария и Ксеркса не облагала налогом людей, которые признавались персами. Но жители Центральной Азии, чьи языки принадлежали к иранской языковой группе, считались отличными от них, так что Персидское государство облагало их налогом как иностранцев³³. Сегодня разница между гражданами Ирана и носителями дари и таджикского языка в Центральной Азии усиливается тем фактом, что первые являются шиитами, в то время как жители Центральной Азии и Афганистана в основном сунниты. Подобным образом тюркские кочевники, которые обосновались в Центральной Азии и приспособились к новому образу жизни, значительно отличались от большей части тюркских народов, не говоря уже о тех, кто жил в далеком Алтайском регионе, где сейчас находятся Сибирь и Восточный Казахстан.

Вторая общая характеристика, почти универсальная для персидских и тюркских писателей и интеллектуалов, состоит в том, что они жили в основном в городах и там же работали. К сожалению, города Центральной Азии, в которых они проживали, едва ли можно представить, не говоря уже о том, чтобы увидеть. Это связано с тем, что главным строительным материалом во всей Центральной Азии был недолговечный высушенный на солнце кирпич, дешевый и прочный, как саман (кирпич из глины с навозом, соломой и другими волокнистыми примесями), но легко поддающийся эрозии из-за дождя и ветра. Почти все сооружения, монументальные и скромные, описанные средневековыми писателями, уже давно исчезли. Если бы их построили из камня, они бы по-прежнему стояли, и туристы приезжали бы в Центральную Азию и Афганистан с таким же желанием, с каким они едут в Италию или Индию. Еще одним опасным врагом сооружений в Центральной Азии были землетрясения, которые происходили с пугающей частотой во всей этой сейсмически активной зоне. Землетрясение разрушило великий город Нишапур дважды за один век (в 1115 и 1145 годах)³⁴, и даже искусные антисейсмические технологии, разработанные средневековыми архитекторами и инженерами Центральной Азии, не могли уберечь здания во время сильного землетрясения.

Благодаря обширной археологической работе в регионе теперь мы можем понять, что собой представлял средневековый город Центральной Азии. Подобно крупным деловым цен-

³² О древнем происхождении различий между Центральной Азией и Ираном и об идентичности Хорасана как части Центральной Азии см.: Fredrik T. Hiebert and Robert H. Dyson, Jr., "Prehistoric Nishapur and the Frontier Between Central Asia and Iran," *Iranica Antiqua* 37 (2002): 113–29.

³³ Herodotus, *The Histories*, trans. Robin Waterfield (Oxford, 1998), 210.

³⁴ Charles K. Wilkinson, *Nishapur: Some Early Islamic Buildings and Their Decoration*, Metropolitan Museum of Art (New York, 1986), 43.

трам во всем мире, в нем кипели работа и торговля, он не имел ни одного спокойного уголка. Характерно, что выдающийся богослов Бурхануддин аль-Маргинани написал большую часть своих работ не в сельском монастыре, а в своей городской резиденции всего в нескольких шагах от главной караванной дороги, проходившей через его родной город Маргилан (в современном Узбекистане). В Маргилане и других городах Центральной Азии можно увидеть некоторые характерные черты типичного «исламского города», которые сформулировали западные ученые-востоковеды. Но центральноазиатские города отличались от других городов мусульманского мира как по форме, так и по структуре. Это неудивительно, поскольку они существовали за три тысячелетия до прибытия арабских захватчиков и у них было достаточно времени, чтобы развить свой особый стиль планирования и архитектуры.

Кто платил ученым средневековой Центральной Азии за то, чтобы они занимались своей работой? Бируни считал, что это обязанность правителей. Так как именно их дело освободить сердца от забот обо всем необходимом для земной жизни и возбуждать дух к снисканию возможно больших похвал и одобрения: ведь сердца созданы, чтобы любить это и ненавидеть противоположное³⁵. Некоторые из великих умов эпохи нашли властвующих покровителей, но отношения между благодетелем и мыслителем редко были спокойными. Чаще всего ученым не удавалось найти правящих покровителей или из числа богачей, которые могли бы дать возможность спокойно работать. Без постоянной поддержки они становились «скитающимися школярами» – название, которое Хелен Уодделл дала таким людям в своей одноименной книге 1927 года о средневековых европейских поэтах, которые переезжали из одного королевского двора в другой в поисках покровительства. Некоторые обладали практическими навыками, которые они могли использовать для руководящей работы: Ибн Сина, которого мы знаем как одаренного ученого и философа, пользовался покровительством династии Саманидов, а затем служил в течение нескольких лет в качестве визиря при правителе из династии Буидов Шамсе ад-Дауле. Низам аль-Мульк, автор знаменитого сборника советов для своего правящего покровителя, занимал то же место в Сельджукской империи и был там самой влиятельной политической фигурой. Остальные, среди которых и тюркский поэт Юсуф Баласагуни, писали объемные работы в надежде, что правитель «обнаружит» их и вознаградит. В случае Юсуфа поддержка на самом деле появилась. Но великий поэт Фирдоуси, автор национального эпоса, который во много раз объемнее «Илиады» Гомера, прождал всю жизнь своего покровителя, который должен был заплатить ему обещанные деньги, что было сделано только после смерти поэта.

Складывалась ли ситуация в пользу мыслителей или нет, интеллектуальная история Центральной Азии – это в том числе история покровительства богатых и могущественных людей, которые были готовы потратить часть своего состояния на поддержку науки и искусства. К счастью, в течение нескольких веков почти все правители в регионе (и среди них несколько жестоких) признавали, что покровительство мудрецам было одним из обязательств, которые приходят вместе с королевским саном. В худшем случае правитель мог помогать ученым для самоутверждения, писатели и мыслители созывались на вечера, чтобы показать их таланты. Тем не менее среди правителей и представителей знати встречались покровители, которые действительно понимали, что такое интеллектуальная работа, и обладали редкой способностью находить истинный талант для своего окружения. Их щедрая финансовая поддержка в сочетании с широким кругозором и терпением позволила нескольким блестящим ученым и мыслителям спокойно трудиться в течение многих лет, не обращая внимания на повседневные нужды – удивительная удача в любом обществе.

Многие из таких покровителей являлись главами местных правящих домов или династий и властвовали в одном городе, долине или районе. В поисках более основательной поддержки интеллектуалы и художники обращались к правителям различных империй, которые

³⁵ Абу Рейхан. Индия / Пер. А. Халидова. Ю. Завадовского. – М., 1995. – С. 161.

контролировали территории Большой Центральной Азии. Некоторые из них (Кушанское царство, Греко-Бактрийское государство, держава хорезмшахов) или более поздние – династии, основанные Исмаилом Самани, Махмудом Газневи и Тамерланом (Тимур), – правили на центральноазиатских территориях. А Багдадский халифат, например, возник за пределами региона и силой оружия утвердил свою власть над местными дворами и династиями. Многие правители не благоволили к интеллектуалам, но среди них были те, кто понимал, что поддержка мыслителей и художников укрепит их власть и станет источником силы, а не слабости.

Всех интеллектуалов, перечисленных выше, и многих других, еще не упомянутых, как правило, классифицируют как «мусульманских» или «исламских». Большинство, но не все, действительно являлись приверженцами ислама, а некоторые были глубоко набожными. Но было ли это определяющей чертой их самосознания или просто удобным ярлыком? Были ли они ортодоксальными суннитами, шиитами или, как многие в XVIII веке, просто деистами, которые признавали Бога как первопричину, но не его присутствие в материальном мире? Мы знаем, что исламизация Центральной Азии шла медленно, около 300 лет, и в тот же период продолжали процветать многие другие религиозные и интеллектуальные течения. Поэтому верно ли будет охарактеризовать все искусство этого времени и места как «исламское» или понятие «исламского искусства», как утверждал обозреватель «Нью-Йорк таймс», является «безосновательным мифом», используемым западными востоковедами?³⁶ Каким было влияние других вероисповеданий, если таковое имелось, и что нам известно о скептиках, вольнодумцах, агностиках и атеистах среди ученых и философов?³⁷

³⁶ Souren Melikian, "Islamic Culture: Groundless Myth," New York Times, Special Report, November 5–6, 2011.

³⁷ Judah Rosenthal, "Hiwi al-Balkhi, A Comparative Study," Jewish Quarterly Review, New Series, 38, 3 (January 1948): 317–42; Sarah Stroumsa, "Ibn al Rawandi and His Baffling 'Book of the Emerald,'" Freethinkers of Medieval Islam (Leiden, 1999), chap. 2.

Три вопроса: легко задать, но сложно ответить

Эти и многие другие вопросы неизбежно возникают, когда кто-то задается целью описать тех мыслителей, которые в течение нескольких веков сделали Центральную Азию средоточием интеллектуальной деятельности и чья работа глубоко повлияла на науку и цивилизацию как на Востоке, так и на Западе. Вместо того чтобы пытаться найти ответы на бесконечное число вопросов и таким образом потерять связующую нить в хаосе деталей, будет лучше сократить их число до трех. Оказывается, это довольно просто. Во-первых, чего ученые, философы и другие мыслители Центральной Азии достигли в течение этих столетий? Во-вторых, почему это произошло? И, в-третьих, чем завершилось это плодотворное и бурное духовное развитие?

Каждый из этих вопросов представляет собой серьезную проблему. Первый вводит нас в невероятное количество областей и дисциплин от астрономии до эпистемологии и мусульманского богословия. Не все они развивались одинаково и в одно и то же время. По какому принципу следует оценивать достижения в одной области и застой или даже регресс в другой? И что, собственно, является прогрессом в определенной научной сфере? Долгосрочное воздействие на всю научную область знаний или влияние на современников? Последний подход, полностью обоснованный, заставил бы нас уделить одинаковое внимание Абу-Машару аль-Балхи, самому известному астрологу в мусульманском мире и на Западе, и таким астрономам, как аль-Ходженди или аль-Фергани, чьи достижения высоко ценятся до сих пор.

Второй вопрос еще более трудный, поскольку он погружает нас в фундаментальные вопросы причинно-следственных связей в истории человечества. Лев Толстой во второй части эпилога к роману «Война и мир» решился ступить на эту опасную территорию, пытаясь объяснить действия Наполеона в битве при Бородино в 1812 году. Все же гораздо легче объяснить ход одного европейского сражения, произошедшего сравнительно недавно, чем выяснять причины интеллектуального и культурного подъема в отдаленных местах и в давние времена.

Почему, мы могли бы также спросить, произошел духовный расцвет в Афинах времен Перикла, во Флоренции эпохи Возрождения, Лондоне времени правления Стюартов, Веймаре Гете и Шиллера, Японии эпохи Нара или, если на то пошло, Конкорде (штат Массачусетс) в эпоху Эмерсона, Торо и сестер Олкотт? В основе каждого из этих конкретных случаев культурного величия, в том числе и Центральной Азии эпохи Просвещения, вечная непредсказуемость источников человеческого творчества и мотивов человеческой деятельности. Точно так же можно спросить, что пробуждает любопытство и вдумчивость в каждом из нас сегодня.

Третий вопрос – чем закончилась эта эпоха? – особенно интересен, поскольку он имеет прямое отношение к текущим событиям в регионе и в мире. Интересующиеся жители региона обсуждают эту тему, а аналитики поднимают этот вопрос каждый раз, когда речь заходит о землях, простирающихся от Центральной Азии на запад до Ближнего Востока. Тот же вопрос всегда возникает в отношении периодов интеллектуального подъема в другие времена и в других местах. Эта проблема побудила Эдуарда Гиббона написать шесть томов «Истории упадка и разрушения Римской империи». Не стеснясь в суждениях, Гиббон выдвинул настолько много блестящих гипотез, включая разложение общественной морали, распад определенных воинских частей и влияние таинственного христианства, что обыватель после прочтения его труда чувствует себя как после пира с шестью основными блюдами. Ныне покойный Джозеф Нидэм и его коллеги создали монументальный шедевр «Наука и цивилизация в Китае» и были вынуждены добавить к нему завершающий том «Общие выводы и размышления», в котором содержится больше размышлений, чем выводов. После тщательного рассмотрения событий, приведших к угасанию богатых традиций Китая в области науки и техники, этот вопрос по праву называют «проблемой Нидэма». Она остается нерешенной.

Непройденные пути

Вот те важные вопросы, которым посвящена эта работа, и на которые рано или поздно необходимо найти ответы. Вполне вероятно, что они не будут однозначными. Но рост количества неясностей сам по себе представляет проблему. Опасность заключается в том, что в результате мы получим что-то вроде бесформенного колючего куста с торчащими ветками и сучьями. Чтобы у читателя не сложилось впечатление смазанности, мы расскажем, какие вопросы в этой книге не будут рассматриваться.

Во-первых, это вопрос о музыке, которая наряду с поэзией считалась королевой искусств. Это одна из немногих областей, в которой жители Центральной Азии опередили своих греческих наставников эпохи эллинизма и проложили путь для европейцев следующих поколений³⁸. Задолго до исламской эры жители Центральной Азии изобрели смычок. Благодаря этому изобретению, которое быстро распространилось в Китае, Индии и на Западе, Центральную Азию можно считать настоящей родиной скрипки³⁹. Рудаки, известный поэт, был также и блестящим музыкантом. Философ аль-Фараби был талантливым лютнистом, он написал труд «Большой трактат о музыке», считающийся первой средневековой теоретической работой на эту тему. Его книга в латинском переводе оказала глубокое влияние на европейское музыкальное мышление⁴⁰. Другие жители Центральной Азии продолжили дело аль-Фараби, основываясь на его трудах. Тем не менее отсутствие упорядоченной системы нотного письма вплоть до XVII века не позволяет нам услышать музыку эпохи аль-Фараби. Хуже того, психологическая пропасть между музыкой Центральной Азии с ее ладами и полутонами и западной мажорно-минорной системой помешала бы пониманию и оценке этой музыки, даже если бы мы ее услышали. По этой причине музыка не играет должной роли в нашем дальнейшем исследовании.

Описание массовой культуры тоже не нашло места на страницах этой книги. Кроме трактатов по философии и науке, в Центральной Азии писались произведения о сказителях и экзорцистах, жонглерах и фокусниках, не говоря уже о целых собраниях анекдотов, заклинаний, фокусов и заговоров, а также книги обо всем – от веснушек до нервного тика. Были даже сборники эротических сказок, переписанных из книг на персидском, индийском, греческом и арабском языках, а также книги о «знающей женщине», наложницах и гомосексуалистах⁴¹. Тем не менее такие проявления массовой культуры, кажется, мало повлияли на высокую культуру, которая является предметом данного исследования⁴², хотя дальнейшее ее изучение может изменить это утверждение. Одним из ярких примеров народных ценностей, явившихся движущей силой интеллектуального преобразования, был суфизм – мистическая и экстатическая форма ислама, которая стремится развеять все мирские проблемы, чтобы верующий вступил в непосредственное общение с Богом. В этом случае движение «снизу» в конечном счете заставило обратить на себя внимание интеллектуалов и таким образом навсегда изменило исламскую религию и даже повлияло на христианство.

Некоторые читатели, возможно, хотели бы, чтобы дальнейшее изложение было в большей степени связано с культурой кочевых народов – иранских, монгольских или тюркских, населяв-

³⁸ Джалилов А. Из истории культурной жизни предков таджикского народа и таджиков в раннем Средневековье. – С. 128 и сл., Jean-Claude Chabrier, "Musical Science," in *Encyclopedia of the History of Arabic Science*, 2:594ff.

³⁹ Тибор Бахман заявил об этом в: *Reading and Writing Music* (Ann Arbor, 1969), 1:137–54; процитировано в: Harvey Turnbull, "A Sogdian Friction Chordophone," in *Essays on Asian and Other Musics Presented to Laurence Picken*, ed. D. R. Widdess (Cambridge, 1981), 197.

⁴⁰ Henry George Farmer, *Al-Farabi's Arabic-Latin Writings on Music* (New York, 1965).

⁴¹ Al-Nadim, *The Fihrist of al-Nadim*, ed. and trans. Bayard Dodge, 2 vols. (New York, 1970), 2:735–36.

⁴² Исследование Boaz Shoshan, "High Culture and Popular Culture in Medieval Islam," *Studia Islamica* 73 (1991): 67–107 не фокусируется на Центральной Азии, но предлагает интересные идеи для дальнейшего исследования.

ших территорию Центральной Азии с I тысячелетия до нашей эры до XV века. Тюркские правители, которые властвовали в Центральной Азии в доисламском VI веке, настолько серьезно относились к защите своих территорий, что установили официальные дипломатические контакты с Византией и Китаем. Другие кочевые империи также охватывали огромные территории и были населены разными народностями, которые нужно было постоянно контролировать. Кроме того, не лишним будет сказать, что интеллектуальные способности кочевников нашли свое выражение скорее в разработке сложных космологических систем и верований и их отражении в поэзии, нежели в тонкостях аристотелевской эпистемологии. Однако все чаще в этих общинах появлялись интеллектуалы, которые участвовали в экуменической и поликультурной научной жизни, сложившейся в городах региона, внося свой вклад в ее развитие. Но многие интригующие вопросы, касающиеся кочевых народов и их религии, мировоззрения, социальной динамики, литературных памятников, выходят за пределы нашего исследования, которое касается формальных текстов и тщательно выверенных произведений искусства, созданных в оседлых городах.

Ограниченный объем исследования не позволяет провести более детальный анализ всего сложного культурного и интеллектуального взаимодействия между жителями Центральной Азии и основными культурами, находящимися к югу, юго-западу и юго-востоку от границ этого региона. Вне всякого сомнения, постоянными и самыми продуктивными источниками свежих идей были Индия, Китай и Ближний Восток с V века до нашей эры до эпохи Тамерлана (Тимура), XV век. Одни из этих идей, например, понятие нуля из Индии, были связаны с математикой или естествознанием. Другие – это волнообразный орнамент, который художники Герата (современный Афганистан) позаимствовали у китайских коллег в XV веке, – относились к эстетике. Эта тема тем более увлекательна, поскольку влияние происходило в обоих направлениях. Эдвард Шефер посвятил целую книгу перечислению экзотических товаров из Центральной Азии, которые придавали яркости и оригинальности императорскому двору Китая эпохи династии Тан⁴³.

Интеллектуальный и культурный обмен между этими великими цивилизациями, а также гармония между ними имеют большое значение для нашего исследования, поскольку все это способствует определению особого характера жизни и мышления в Центральной Азии. Но масштаб этого вопроса настолько велик, что на него можно ответить лишь в сжатой форме, а не исчерпывающе. Однако в данном исследовании будет рассмотрено, как жители Центральной Азии получали идеи из-за рубежа, могли ли они видоизменить некоторые из них и если могли, то каким образом.

Также мы лишь поверхностно рассмотрим множество способов, посредством которых определенные произведения и идеи мыслителей Центральной Азии находили аудиторию как на Востоке, так и на Западе, а происходило это в основном благодаря переводу на хинди, китайский или латынь. Этому важному вопросу было посвящено много исследований, но еще многое остается невыясненным. Стоит отметить утверждение известного историка искусства Олега Грабаря и его коллег о том, что в период расцвета культура распространялась с востока на запад, то есть из Центральной Азии в остальные исламские и средиземноморские государства, а не наоборот⁴⁴. Даже если оставить в стороне огромное влияние Центральной Азии на исламских мыслителей из разных стран – таких как Аверроэс, Ибн Хальдун и десятки других, одно лишь исследование их глубокого влияния на христианский Запад, от Абельяра до Фомы Аквинского и Данте, может занять несколько томов. Джозеф Нидэм провел исчерпывающее исследе-

⁴³ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. – М.: Наука, 1981.

⁴⁴ Richard Ettinghausen, Oleg Grabar, and Marilyn Jenkins-Madina, *Islamic Art and Architecture 650–1250* (New Haven, 2001), 135.

дование их влияния на Китай, но аналогичная работа по Индии остается пока на подготовительном этапе, хотя многие мыслители из Центральной Азии жили и работали в этой стране.

Читая о мыслителях-мужчинах, представленных ниже, вполне может возникнуть вопрос: «А где же женщины?» Где деятели, сравнимые с Хильдегардой Бингенской, образованной и талантливой настоятельницей крупного немецкого монастыря в XII веке и гениальным композитором, или с Хросвитой Гандерсгеймской, бенедиктинской канониссой, которая в X веке написала шесть пьес в классическом стиле, предвосхитив тем самым возрождение театра на два столетия?⁴⁵ Несомненно, есть Рабиа из Балха, космополитичного мегаполиса в северной части Афганистана, чья пылкая и нежная поэзия принесла ей славу⁴⁶. Но тщетными окажутся попытки найти в этом регионе женщин, которые оставили значительное наследие в области научного мышления. Наиболее близко подошли к этому поздние мистически настроенные поэтессы, которые в своих четверостишиях передали суфийский опыт⁴⁷.

Некоторые связывают эту ситуацию со статусом женщин в исламских обществах и предположительно с их статусом в домусульманском обществе. Мануэла Марин в своем труде «Женщины, пол и сексуальность», посвященном ранним мусульманским обществам, пришла к выводу, что «писать считалось опасным для женщин, потому что они могли использовать этот навык для незаконной коммуникации с мужчинами»⁴⁸. Это привело к ситуации, в которой научная деятельность стала исключительно мужской прерогативой, как и толкование исламского права.

Конечно, женщины могли владеть имуществом и наследовать его, а зачастую выступали в семье в качестве финансовых распорядителей. Тот факт, что зороастрийское наследственное право, как и еврейское, было гораздо более благосклонным к женщинам, чем исламское, заменившее его, возможно, также усилил роль женщин Центральной Азии в областях, не касающихся образования и научных знаний⁴⁹. Женщины, конечно, обладали большим влиянием за кулисами центральноазиатской политики. Так, когда арабские завоеватели прибыли к воротам Самарканда с новой религией и в поисках наживы, их встретила женщина со стальной волей, правящая от имени своего малолетнего сына⁵⁰. В X веке, когда династия Саманидов в Бухаре достигла своего интеллектуального расцвета, еще одна женщина вполне успешно правила как жена бывшего правителя. Повелительница одного центральноазиатского города (вдова) столкнулась с войсками безжалостного Махмуда Газневи. Вместо того чтобы отступить, она бросила ему вызов, заявив в лицо, что если она выиграет, то победит великого полководца эпохи, а если победит он, то лишь одержит верх над женщиной⁵¹.

На протяжении большей части своего золотого века Центральная Азия находилась под властью кочевых завоевателей, чьи женщины привыкли управлять внутренними делами во время длительных периодов отсутствия мужей. Это привело к тому, что мощную династию Караханидов в XI веке в течение восьми лет возглавляла женщина, и к тому, что мать, сестра и старшая жена грозного Тамерлана (Тимура) полностью распоряжались его жизнью вне поля боя⁵². Никто не удивился, когда дочь центральноазиатского монгольского правителя XIII века

⁴⁵ Frances Gies and Joseph Gies, *Women in the Middle Ages* (New York, 1978), chap. 5.

⁴⁶ См. главу 8.

⁴⁷ Camille Adams Helminski, ed., *Women of Sufism: A Hidden Treasure* (Boston, 2003), 46ff.

⁴⁸ Manuela Marín, "Women, Gender and Sexuality," in *Islamic Cultures and Societies to the End of the Eighteenth Century*, ed. Robert Irwin, *New Cambridge History of Islam* (Cambridge, 2010), 4:372.

⁴⁹ Richard N. Frye, "Women in Pre-Islamic Central Asia: The Khatun of Bukhara," in *Women in the Medieval Islamic World: Power, Patronage, and Piety*, ed. Gavin R. G. Hambly (New York, 1999), 63–64.

⁵⁰ Richard N. Frye, *Narshaki, The History of Bukhara*, (Cambridge, 1954), 37–39; Бартольд В. В. Сочинения. – Т. 1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – М., 1963. – С. 312; Frye, "Women in Pre-Islamic Central Asia," 65–67.

⁵¹ Lenn E. Goodman, *Avicenna* (London, 1992), 27.

⁵² Priscilla Soucek, "Timurid Women: A Cultural Perspective," in *Women in the Medieval Islamic World*, 199–226.

объявила, что она выйдет замуж только за того мужчину, который сможет победить ее с оружием в руках⁵³. Несмотря на столь явные проявления политической власти, ни в одном из этих кочевых обществ женщины не являлись значительными интеллектуальными личностями.

Наконец, необходимо упомянуть о бесчисленных научных дисциплинах, философских проблемах и богословских вопросах, которым посвятили себя героини этого рассказа. Каждому из них должно быть и во многих случаях было посвящено отдельное исследование. Если мы углубимся в их изучение, это выведет нас за пределы данного исследования и уж точно за пределы компетенции автора. Тем, кому нужна более подробная информация об истории науки, философии, теологии, архитектуры или искусства Центральной Азии или детали биографий великих личностей, которые посвятили этим областям знаний всю свою жизнь, следует обратиться к богатой специализированной литературе на разных языках, которая кратко обсуждается в предисловии и приведена в примечаниях.

Теперь, после всех вводных и пояснительных замечаний, давайте обратимся к эпохе Просвещения в Большой Центральной Азии, которая длилась до XII века. В отличие от греческой богини мудрости Афины (которая, кстати, нашла почитателей в ранней Центральной Азии) эта эпоха культурного расцвета не вышла полностью сформированной из головы Зевса. Она возникла на древней, но высокоразвитой земле, где веками поддерживались процветающая экономика и богатая интеллектуальная жизнь.

Обратимся же к утраченному миру домусульманской Центральной Азии.

⁵³ Michal Biran, *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia* (London, 1997), 2.

Глава 2

Развитая городская жизнь на древней земле

Войска кочевых арабов, пытавшихся завоевать Центральную Азию в 660 году, не ожидали найти там безлюдную пустыню. Они были наслышаны о богатстве региона. Воинов не волновало, были ли жители готовы к переходу в новую веру, – они жаждали только наживы. Поскольку арабские военачальники платили своим воинам, разрешая разграбление, это был ключевой вопрос. В то же время для жителей Центральной Азии вторжение иноземцев не было внове. На протяжении веков они научились отражать удары извне и бороться с их последствиями. Они также были уверены в ресурсах их древней земли и ее культуре, которая давала им возможность перенять и впитать то полезное, что захватчики могут принести с собой.

Прежде всего Центральная Азия была землей городов. Задолго до арабского завоевания самый известный греческий географ Страбон, живший в I веке до нашей эры, описал сердце Центральной Азии как «землю тысячи городов». Византийский писатель позже говорил о «ста городах» под властью одного правителя Центральной Азии, царя Бактрии⁵⁴. Что-то в центральноазиатских городах удивляло даже выходцев из больших городов Ближнего Востока.

Многие города поражали воображение, но нам будет полезнее сосредоточиться только на одном из них, Балхе, расположенном почти в 70 км к югу от Амударьи (в древности – Оксус), разделяющей современный Афганистан и Узбекистан. По любым меркам Балх был одним из величайших городов древнего мира в поздние времена. Его городские стены опоясывали примерно 4,5 кв. км земли, а внешние стены, защищавшие пригородный район и сады, были более 120 км в длину⁵⁵. На богатых землях, ограниченных внешними стенами, древний путешественник мог найти апельсиновые рощи, поля сахарного тростника и ухоженные виноградники, не говоря уже о многочисленных цветниках и огородах. Потом шли пригородные дома, рынки и помещения для заезжих торговцев в так называемом рабаде – торгово-ремесленном предместье. Вскоре посетитель сталкивался с угрожающими стенами самого города. В Балхе, как и во множестве других городов Центральной Азии, были не простые вертикальные стены с парапетом, традиционные для средиземноморского мира и большинства городов Ирана, а массивное наклонное сооружение из высушенных на солнце кирпичей, облицованное обожженным кирпичом, на вершине которого располагалась дополнительная высокая стена, увенчанная длинными галереями, прикрывающимися бойницами для стрельбы и часто расставленными башнями для защиты и обзора. Такие крепостные стены защищали шахристан – плотно застроенный внутренний город из одно- и двухэтажных домов, базаров и храмов различных конфессий. В шахристане находилась главная цитадель с еще более высокими стенами. Здесь располагались дворец правителя и основные здания правительства.

Чтобы оценить размер Балха, представим: только одна цитадель, называемая Бала-Хисар, была в два раза больше всей нижней части Приены, типичного эллинистического города на турецком побережье, и в десять раз больше общей площади древней Трои⁵⁶. А ведь цитадель составляла менее одной десятой общей площади города! Все в Балхе демонстрировало огром-

⁵⁴ Массон В. М. Страна тысячи городов. – М., 1966; Pierre Leriche, "Bactria, Land of a Thousand Cities," in *After Alexander: Central Asia before Islam*, ed. Joe Cribb and Georgina Herrmann, *Proceedings of the British Academy*, no. 133 (London, 2007), 124–25.

⁵⁵ Оценка Филиппа Маркиса из Французской археологической делегации в Афганистане (DAFA), личное сообщение, 4 июня 2012 г.

⁵⁶ До последнего времени больше всего изучались стены. См.: Rodney S. Young, "The South Wall of Balkh-Bactra," *American Journal of Archaeology* 59, 4 (October 1955): 267–76; and M. Le Berre and D. Schlumberger, "Observations sur les remparts de Bactres," in *Monuments préislamiques d'Afghanistan*, *Memoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan*, ed. Bruno Dagens, Marc le Berre, and Daniel Schlumberger (Paris, 1964), 9:67ff.

ные богатства, накопленные благодаря быстро развивающейся сельскохозяйственной отрасли (пшеница, рис и цитрусовые), производству металлических инструментов и керамических предметов домашнего обихода, бирюзы и кожгалантереи, а также международной торговле, которая доходила до Индии, Ближнего Востока и Китая. Действительно, Балх был идеально расположен вдоль главного пути через Афганистан в Индию и на запад к Средиземному морю⁵⁷.

▼ Рисунок 2.1. Стены Балха сегодня

Даже сегодня на территории Балха можно найти осколки глиняной посуды, похожей на римскую и индийскую периода 100–400 годов. Неудивительно, что уже римские авторы описывали Балх как сказочно богатый город⁵⁸ и что позднее арабские путешественники, которые хорошо знали базары и дворцы в Дамаске, Антиохии и Каире, напишут о нем как о «матери городов»⁵⁹. Необходимо отметить, что эти более поздние авторы описывали город, который претерпел экономический спад незадолго до арабского завоевания, а затем был безжалостно разграблен арабскими завоевателями⁶⁰. Но даже после этого путешественники из стран Ближнего Востока продолжали восторгаться Балхом.

Другие крупные города Центральной Азии были по размеру сопоставимы с Балхом. Один из них – Афрасиаб (предшественник Самарканда в современном Узбекистане) – разбогател благодаря массовому производству тканей и других товаров. Он занимал площадь около 2 кв. км⁶¹. Еще один город, речной порт Термез, занимал примерно 4 кв. км на узбекской сто-

⁵⁷ По словам древнеримского автора, небольшой поток, протекавший мимо Балха и впадавший в реку Оксус (Амударья), все еще был судоходным, позволяя купцам отправлять товары из Индии в страны Каспийского моря. См.: Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. – Ташкент, 1981. – С. 43 и сл.; описание Бартольда содержится в «Хафиз-и Абру и его сочинения», «Музафария», сборнике статей учеников барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатилетия его первой лекции» (Санкт-Петербург, 1897, 1–28, переиздано в: В. Бартольд. Сочинения. – Том 8. – М.: Наука, 1973. – С. 74–97.

⁵⁸ Young, "The South Wall of Balkh-Bactra," 275.

⁵⁹ По арабским сообщениям о Балхе см.: Schwartz, "Bemerkungen zu den arabischen Nachrichten uber Balkh," in *Oriental Studies in Honor of Cursetji Erachji Pavry* (London, 1933), 434–43.

⁶⁰ W. Barthold, *An Historical Geography of Iran*, ed. C. E. Bosworth (Princeton, 1984), 17.

⁶¹ G. V. Shishkina, "Ancient Samarkand: Capital of Soghd," *Bulletin of the Asia Institute, New Series*, 8 (1994): 81–100. Для

роне Амударьи напротив Афганистана⁶². Также на юге современного Туркменистана располагался город Мерв. Это был огромный застроенный комплекс, который уже в 500 году считался древним⁶³. Некоторые из этих городов могли поспорить за пальму первенства с Сианем (Чаньань) в Китае, считавшимся крупнейшим городом на Земле в то время; его стены простирались на 25,7 км. В отличие от китайских, города Центральной Азии были окружены несколькими кольцами стен, внешнее из которых предназначалась для того, чтобы не допустить вторжения кочевников и задержать песок. В Мервском оазисе длина внешней стены составляла более 250 км, что в три раза длиннее стены Адриана, разделяющей Англию и Шотландию. Как минимум 10 дней потребовалось бы, чтобы покрыть такое расстояние на верблюдах⁶⁴. Эта стена защищала зону интенсивного сельского хозяйства, множество городков с разнообразными ремеслами и основной город, который превзошел Балх по территории и численности населения⁶⁵. Города-спутники и деревни, подобные тем, что окружали Мерв, можно найти и возле других крупных центров. Отрар, находившийся на территории современного Южного Казахстана, обладал почти сотней окрестных городов и деревень, которые были крепко связаны друг с другом и представляли собой локальную экономическую систему.

Также важны были десятки городов поменьше, рассыпанных к востоку от берегов Каспийского моря вглубь той территории, которую в настоящее время занимает Сино-Цзянь, и к юго-востоку через Афганистан к долине Инда⁶⁶. Некоторые из них существуют и сегодня: Шаш (ныне Ташкент)⁶⁷, Серахс в Иране, Кашгар, Хотан и Турфан в Сино-Цзяне, Кабул, Герат и Газни в Афганистане. Другие, а именно Ахсикент в Ферганской долине, Тус и Нишапур в северо-восточной иранской провинции Хорасан, Гургандж (Куны-Ургенч) в Туркменистане, Отрар и Суяб в Казахстане⁶⁸, Гиссар в Таджикистане, превратились в деревни или исчезли полностью.

Многие второстепенные города хорошо зарекомендовали себя как центры торговой и общественной жизни за несколько тысячелетий до появления арабов. Раскопки в десятках из них показали, что их жителям не требовалось ездить в мегаполисы, чтобы приобщиться к благам цивилизации и модным веяниям. Типичным таким городом являлся Исфиджаб (теперь Сайрам) в Южном Казахстане, где многонациональное население имело доступ к модной продукции, привезенной из Средиземноморья, Индии, Китая и городов, расположенных между ними. Самая ранняя оценка численности населения Исфиджаба – 40 000 жителей – была сделана поздно, но уцелевшие стены свидетельствуют, что этот рыночный город уже был древним ко времени арабского завоевания. Население Исфиджаба, типичное для многих небольших торговых городов в Центральной Азии, было похоже на Париж раннего Средневековья⁶⁹.

достоверного анализа этих данных см.: Беленицкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. – Ленинград, 1973.

⁶² Y. F. Buryakov et al., *The Cities and Routes of the Great Silk Road* (Tashkent, 1999), 54ff.

⁶³ Помимо исследований Джорджины Херрманн, упомянутых выше, полезной отправной точкой является работа Н. Г. Булгакова «Из арабских источников о Мерве» (труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, том 7) (Ашхабад, 1963 г., с. 213–224).

⁶⁴ A. V. Yazbderdiev, "The Ancient Merv and Its Libraries," *Journal of Asian Civilizations* 23, 2 (December 2000), 138.

⁶⁵ Полный обзор памятников на сегодняшний день представлен в работе: Georgina Herrmann, *Monuments of Merv: Traditional Buildings of the Karakum* (London, 1999).

⁶⁶ Два исследования центральноазиатского урбанизма: Литвинский В. А. Древний среднеазиатский город (Древний Восток, города и торговля (I–III тысячелетия до н. э.). – Ереван, 1973. – С. 99–125. Массон В. М. «Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии» (в сборнике «Древний город Средней Азии: тезисы и доклады») (Ленинград, 1973 г.). Г. А. Федорова-Давыдова «Низкие подсчеты населения (150 000 человек для Мерва, 80 000 для Бухары и т. д.)» приведены в: *Archaeological Research on Central Asia of the Muslim Period*, "World Archaeology" 14, 3 (February 1983): 394. Отдельное исследование по Хорезму проведено С. Толстовым в работах «Древний Хорезм» (М., 1948) и «По следам древнехорезмской цивилизации» (М., 1948).

⁶⁷ Алимова Д. А., Филианович М. И. Ташкент тарихи/история Ташкента. – Ташкент, 2009. – С. 89, 122 и сл.

⁶⁸ Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы, 1998. – С. 47–60, 145–148.

⁶⁹ Buryakov et al., *The Cities and Routes of the Great Silk Road*, 106.

Помимо крупных и второстепенных центров, в западных и северных районах Центральной Азии было множество замков и укрепленных поместий, принадлежавших крупным землевладельцам. Существовало по крайней мере три различных типа таких владений. На вершине скал в северной части пустыни располагались десятки крепостей с высокими стенами, которые включали в себя малые города, миниатюрные версии модели «цитадель и город», существовавшей в Балхе и других городах. В равнинных пустынях, на территории современного Южного и Западного Туркменистана, было множество башнеобразных сооружений с гофрированными стенами. Такое укрепление называлось «кёшк». Кёшки строились из кирпича-сырца и были одновременно жилыми домами, которые принадлежали знати, живущей в близлежащих городах⁷⁰. На вершинах холмов в Таджикистане и Афганистане располагались цитадели, где жили местные правители или знатные особы. Находящийся в Таджикистане город Хулбук с могучими стенами – это особенно впечатляющий пример такого рода второстепенной крепости. Археологические исследования подтверждают, что во всех этих местах был такой же высокий уровень жизни, как и в крупных городских центрах⁷¹. Двести пятьдесят превосходно выполненных глиняных кубков, найденных на одной из кухонь в торговом районе города Пайкент в Бухарском оазисе, свидетельствуют о том, что полноценная жизнь не ограничивалась большими городами⁷².

Города Центральной Азии были густо заселены. Один эксперт считает, что плотность 230–270 человек на 0,4 га была обычной для того времени⁷³. При этом 4/5 всех домов были размером всего лишь около 35 кв. м, они, как правило, вмещали до шести человек на двух или трех этажах. По этим цифрам можно судить о распространенности рабства, которое значительно развилось при правлении мусульман и растущей военизации государств, но имело глубокие корни в местной жизни, уходящие в древние времена. Уже во II веке можно было встретить богатую центральноазиатскую семью из четырех человек, которую обслуживали семнадцать рабов!⁷⁴ Некоторые такие семьи жили в больших домах, количество комнат в которых могло достигать пятидесяти.

Жители, в том числе рабы, имели доступ к проточной воде⁷⁵ и могли спать на встроенных в кирпичные стены кроватях, прогревавшихся с помощью каналов внутри кладки, по которым пускали дым. В жарких районах Афганистана и Хорасана строили башни для охлаждения помещений, через них выходил горячий воздух. В других местах для спасения от солнца и жары использовались подвалы.

⁷⁰ В дополнение к известным примерам в Мерве см.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. – М.: 1958. – С. 149–167.

⁷¹ См. описание замка Биньякат (VI–VIII вв.) в: Ура-Тюбе. – Таджикистан, в: N. N. Negmatov, "Utrushana, Ferghana, Chach, and Ilak," in *History of Civilizations of Central Asia*, 3:259, 264.

⁷² G. L. Semenov, "Excavations at Paikend," in *The Art and Archaeology of Ancient Persia*, ed. Vesta Sarkhosh Curtis, Robert Hillenbrand, and J. M. Rogers (London, 1998).

⁷³ Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – М., 1986. – С. 88. См. также подсчет плотности населения в Мерве, Бухаре, Термезе и т. д. Большаков О. Г. Города Южного Казахстана и Семиречья (VI–XIII вв.). – Алма-Ата, 1973. – С. 256–268.

⁷⁴ К. М. Байпаков. Указатель сочинений.

⁷⁵ V. A. Litvinsky, "Cities and Urban Life in the Kushan Kingdom," in *History of Civilizations of Central Asia*, ed. J. Harmatta (Paris, 1992–2005), 2:291–312; см. также: История таджикского народа/Под ред. Б. Г. Гафурова. – М., 1964. – С. 1:471 (и следующие страницы).

▼ Рисунок 2.2. Кыз-Кала, дворец представителя знати в Мерве, VI–VII века

Помогали обеспечивать циркуляцию воздуха кирпичные купола (зачастую с нервюрами), которые в Центральной Азии служили крышей для самых разных строений – от дворцов и торговых зданий до более роскошных частных дворцов. За несколько столетий до того, как купола стали отличительной чертой исламской архитектуры, они использовались во всех видах архитектуры персоязычного мира и особенно в густонаселенной Центральной Азии. В большом буддийском комплексе в Мес-Айнак и в ряде других мест в Афганистане и в долине Амударьи встречаются не только обычные круглые арки, но и стрельчатые.

В Европе возникновение готических арок, как правило, связывают с церковью XI века в нормандском аббатстве Святого Стефана в городе Кан⁷⁶. Более ранние примеры, намекающие на возможность того, что эта арка, возможно, была веянием с Востока, можно найти в Базилике святого Амвросия в Милане и других церквях Северной Италии. Но откуда именно они появились? Слегка заостренные арки можно обнаружить в нескольких древних зданиях Ближнего Востока, в некоторых постройках эпохи раннего ислама и в церкви VII века в Армении⁷⁷. Такие стрельчатые арки были более распространены в Иране, но появляются они гораздо чаще в буддийском Афганистане и Центральной Азии, чем на Западе. Одним из многих памятников с такими арками является ступа Гульдара неподалеку от Кабула. Эти регионы, конечно, состояли в постоянном торговом контакте с иранскими землями и Ближним Востоком. Таким образом, одну ветвь генеалогии готических арок можно проследить в буддийской Центральной Азии. Но и это не конечный пункт, так как бесспорно индийское происхождение данного элемента буддийской архитектуры.

Возвращаясь к городской архитектуре региона, мы видим высокие оштукатуренные стены главных комнат, украшенные яркими фигурами – практика, которая перешла от богатых горожан к горожанам среднего достатка и продолжалась в эпоху ислама. Стены и полы даже скромных жилищ становились мягкими благодаря тканым, богато украшенным коврам и драпировке. Многие горожане Центральной Азии привыкли сидеть на полу, но и стулья тоже использовали.

Помимо удобств внутри дома, городская жизнь достигла высокого уровня развития за тысячу лет до арабского завоевания. Можно было видеть вымощенные улицы, просторные

⁷⁶ Описано подробно в: Eric Gustav Carlson, "The Abbey Church of Saint-Etienne at Caen in the Eleventh and Early Twelfth Centuries," PhD dissertation, Yale, 1967.

⁷⁷ Peter Draper, "Islam and the West: The Early Use of the Pointed Arch Revisited," *Architectural History* 48 (2005): 1–9.

общественные бани, обширные торговые площади, располагавшиеся, как правило, недалеко от храмов и святынь и связанные зачастую с гостиницами дворами для приезжающих торговцев.

Эти и другие удобства отражают существование глубоко укоренившегося городского образа жизни в Центральной Азии. Фактически традиция города в регионе уходит корнями во времена почти 5000-летней давности, когда животноводы начали собираться в большие сообщества. А 4000 лет назад процветали такие города-крепости бронзового века, как Гонур-Депе и Маргуш, оба в Мервском оазисе в Туркменистане⁷⁸. Недавние раскопки открыли нам эти большие города с прямоугольными стенами, а также их дворцы, храмы, общественные здания, базары и жилые районы. Эти находки показывают, что архитектура уже давно вышла за рамки исключительно практичной. Только несколько веков спустя прихотливые обитатели города Мундигаке (возле Кандагара в Афганистане) создали огромный храм, который очень сильно напоминал месопотамские зиккураты⁷⁹.

Все это происходило лишь немногим позже появления великих цивилизаций Хараппы в долине Инда и шумеров в Месопотамии. Действительно, археолог Виктор Сарияниди из Туркменистана, который открыл Маргуш и Гонур-Депе, утверждает, что они являются доказательством того, что долина Амударьи (Оксута) в Центральной Азии представляет собой четвертый очаг происхождения городской цивилизации наряду с долинами Нила, Тигра и Евфрата. Раскопки показали, что самые ранние жители Центральной Азии уже вели обширную торговлю и имели культурные связи со всеми тремя названными центрами мировой цивилизации. По крайней мере в одной сфере жители Центральной Азии точно были первопроходцами. Благодаря исследованиям двух гениальных американских археологов Рафаэля Пампелли в 1900 году и Фредрика Хиберта 100 лет спустя мы знаем, что жители Центральной Азии бронзового века первыми в мире начали выращивать зерно для выпечки хлеба⁸⁰.

Конечно, большие города были и в других местах в период Античности и раннего Средневековья, будь то на Ближнем Востоке, в Китае, Индии или Южной и Северной Америке. Археологи сообщают о существовании не менее 25 высокоорганизованных городских центров в Центральной Америке к 3000 году до нашей эры⁸¹. Но отличительными чертами городов Центральной Азии было сочетание сложной организации вследствие строительства крупномасштабных оросительных систем и сельского хозяйства и производства, ориентированных на продажи в другие страны, а также появление значительного числа торговцев, которые путешествовали по миру, и дельцов, которые управляли их работой.

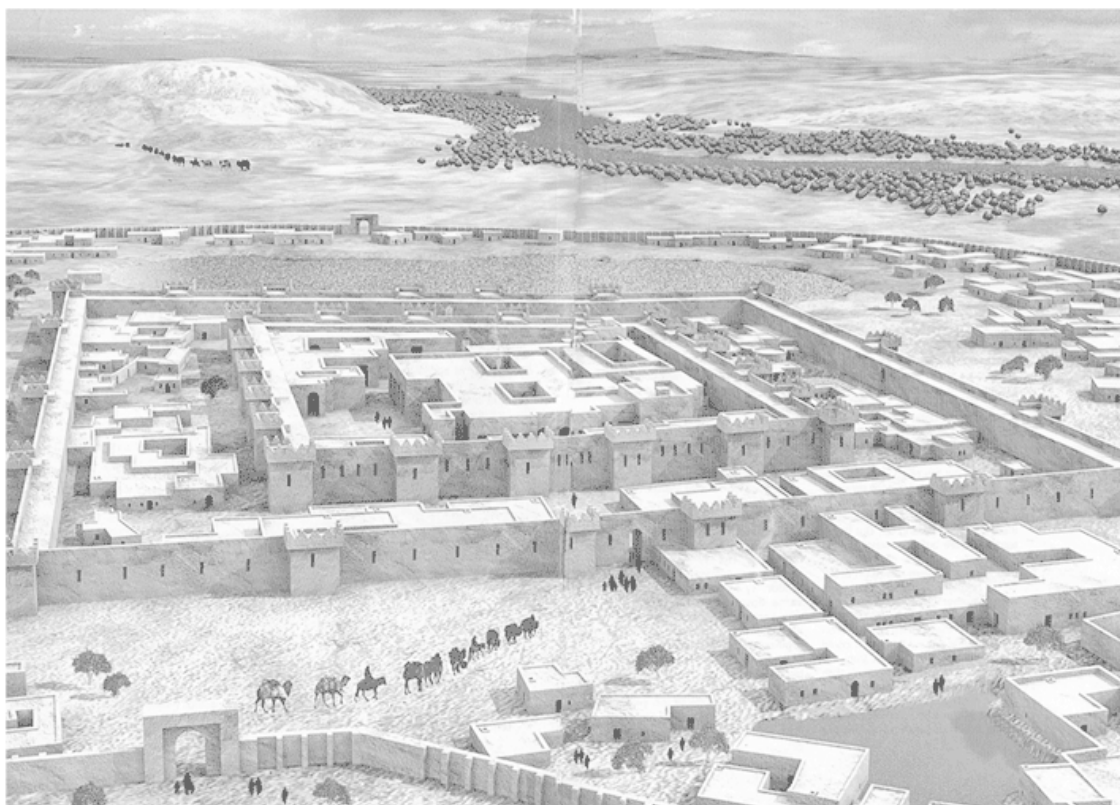
⁷⁸ Сарияниди В. Гонурдепе. – Ашхабад, 2006. – С. 36. См. также: Сарияниди В. Маргуш. – Ашхабад, 2009.

⁷⁹ Jim G. Shaffer, "The Later Prehistoric Periods," in *The Archaeology of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid Period*, ed. F. R. Allchin and Norman Hammond (London, 1978), 114.

⁸⁰ Fredrik T. Hiebert, Kakamurad Kurbansakhatov, *A Central Asian Village at the Dawn of Civilization: Excavations at Anau, Turkmenistan*, University Museum Monograph, no. 116 (Philadelphia, 2003); Peggy Champlin, Raphael Pumpelly, *Gentleman Geologist of the Gilded Age* (Tuscaloosa, 1994); S. Frederick Starr, "Raphael Pumpelly: Founder of U. S. – Turkmen Cultural Ties," *Miras* 2 (2010): n.p.

⁸¹ Daron Acemoglu and James A. Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York, 2012), 148.

▼ **Рисунок 2.3.** Реконструкция Гонурдепе в Мервском оазисе, Туркменистан

Так было ли изменение климата?

Сегодня Балх представляет собой печальное зрелище. Там, где, по словам древних посетителей этого города, были виноградники, цитрусовые рощи и поля сахарного тростника, теперь только полынь, пыль и лишь редкие заросли в низинных районах. Похожим образом далеко на севере Центральной Азии обширные территории Хорезма в Узбекистане и Дехистана в Туркменистане были когда-то полны жизни, вокруг дворцов располагались сельхозугодья, а сегодня это лишь унылые пустыни, совершенно лишённые растительности. Способствовал ли культурному и интеллектуальному расцвету Центральной Азии период умеренного климата и щедрых дождей без экстремальной летней и зимней температуры? Может быть, прорыву в творческой жизни способствовала влажная и мягкая фаза, которую затем сменила более суровая?

Как ни привлекательна такая теория, ее поддерживает крайне мало фактов. Наоборот, большинство экспертов утверждает, что климат Центральной Азии (в том числе годовое количество осадков) в период от 100 года до нашей эры до 1200 года нашей эры был не только постоянным, но и очень похожим на сегодняшний. Некоторые убеждены, что ксеротермический кризис пришел из Греции в Индию в середине III тысячелетия до нашей эры и принес с собой сильную засуху, длившуюся несколько веков⁸². Но они также полагают, что после этого климат изменился на присущий этому региону сегодня и в этом состоянии сохранился с древних времен до наших дней⁸³. Сто лет назад голландский востоковед Михаэл Ян де Гье издал труды арабских географов X века, которые опровергли гипотезу о том, что современной засухе предшествовала относительно более зеленая эпоха, совпавшая с эпохой Просвещения⁸⁴. Но противоположное мнение недавно высказал Ричард Баллит из Колумбийского университета. Он полагает, что растущее опустынивание в Хорасане может объяснить подъем Сельджуков в XI веке⁸⁵. На данный момент эта гипотеза считается недоказанной. В целом создается впечатление, что климат Центральной Азии в течение эпохи, которую мы изучаем, был таким же сухим и неблагоприятным, как сегодня. Современные крестьяне вполне могут понять своих предков из Маргуша, которые 4000 лет назад построили храм в честь воды!⁸⁶

Что же тогда вызвало очевидные изменения? Исчезновение дерева для стропильных балок вынудило строителей некоторых самых ранних городов, таких как 3000-летний Гонур-Депе в Туркменистане, делать вместо обычных крыш кирпичные купола⁸⁷. Даже в Афрасиабе, Мерве и Гургандже дерево когда-то было широко доступно, но затем стало редкостью. Что случилось с лесами, которые когда-то росли на нижних склонах гор? И что произошло с рекой Балх, которая когда-то текла из города Балха в Амударью и была достаточно многоводна, чтобы по ней шли лодки, а теперь высохла полностью?

Случившееся связано не с изменением климата, а с действиями человека. Американский ученый Наоми Миллер установила, что обезлесение произошло в бронзовом веке, 2400 лет назад, когда создание многочисленных кузниц привело к огромному спросу на дрова⁸⁸. Это

⁸² Сарияниди В. Гонурдепе. – Ашхабад. – С. 35.

⁸³ Sophia R. Bowlby, "The Geographical Background," in *The Archaeology of Afghanistan*, 17; Fredrik T. Hiebert, *Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia* (Cambridge, 1994), 10–11.

⁸⁴ Опубликовано в: *Bibliotheca geographorum Arabicorum* (Leiden, 1870–1894). Бартольд принял вывод де Гье: V. V. Barthold, *Four Studies on the History of Central Asia*, trans. V. and T. Minorsky (Leiden, 1956), 1:13.

⁸⁵ Richard W. Bulliet, *Cotton, Climate, and Camels in Early Islamic Iran* (New York, 2009).

⁸⁶ Сарияниди В. Маргуш. – Ашхабад, 2009. – С. 264–267.

⁸⁷ Мамедов Мухаммед. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. – Ашхабад, 2003.

⁸⁸ Naomi F. Miller, "Paleoethnobotanical Evidence for Deforestation in Ancient Iran: A Case Study of Urban Malyan," *Journal of Ethnobiology* 5 (1985): 1–21.

наряду с вырубкой лесов для строительства, обогрева и приготовления пищи в значительной мере объясняет исчезновение лесных массивов по всей Большой Центральной Азии.

Выпас овец и коз, устройство зубов которых позволяет им выщипывать траву до корня, тем самым препятствуя произрастанию новой, способствовал уменьшению количества воды. На протяжении веков пасущиеся животные лишали нижние склоны гор травы и других форм растительной жизни, которые держали почву. Это привело к интенсивной эрозии, что оголило местность и обнажило породы, находившиеся под землей. Там, где когда-то ливни приводили к росту травы и наполняли постоянно текущие реки, вода весенних дождей теперь спускалась потоком вниз по горным склонам, из-за чего наступила засуха.

Таким образом, окружающая среда Центральной Азии со времен культурного золотого века значительно изменилась. Но действующей силой этих изменений оказалась не сама природа, а человечество, и особенно – безжалостная вырубка древесины для топлива и непрерывный поиск зеленых пастбищ, чтобы прокормить овец и коз. На первый взгляд, можно сделать вывод, что эти изменения подтверждают теорию Джаред Даймонда, изложенную в его труде «Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают», о том, что цивилизации погибают, когда люди разрушают окружающую среду, от которой они зависят⁸⁹. Но в этом случае изменения в окружающей среде недостаточны для того, чтобы объяснить начало или конец эпохи Просвещения.

⁸⁹ Даймонд Джаред Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают. – М.: АСТ, 2008.

«Интенсивная» цивилизация

Несмотря на эти негативные факторы, важная сила сделала возможным развитие и поддержание цивилизации и высокой культуры по всей Центральной Азии. Опять же главную роль сыграла не природа, а человек, в частности, постепенное освоение технологий орошения. Именно орошение сделало возможным развитие цивилизации на территории Центральной Азии, которая без него осталась бы бесплодной. В этом смысле справедливо назвать Центральную Азию «гидравлической цивилизацией», в которой основные силы социальной деятельности были направлены на строительство и обслуживание сложных систем для сохранения, распределения и общего управления редким ресурсом – водой⁹⁰. Этот термин впервые введен американским ученым немецкого происхождения Карлом Виттфогелем в весьма спорной работе под названием «Восточный деспотизм» (1957 год). Хотя «гидравлическими» по характеру он определил общества от Китая и Индии до Мексики и Месопотамии, его концепцию можно применить и к определенным аспектам средневековой Центральной Азии. Со временем акцент на орошении привел к появлению очень строгого социального порядка и иерархически упорядоченных политических культур, которые Виттфогель называл «деспотизмами». Правительство брало на себя полную ответственность за большие и сложные оросительные системы, в том числе за жизненно важную задачу по управлению рабочей силой, которая их обслуживала.

Тем не менее следует отметить, что не всегда появление оросительных систем приводит к огосударствлению, централизации и иерархически организованному управлению. В Древней Греции также существовала нехватка воды, но ее холмистая местность не позволяла строить подобные крупномасштабные, организованные правительством оросительные системы, которые превалялись в Центральной Азии. Вместо этого крестьяне работали со своими соседями и решали проблемы с водой на местном уровне. Это способствовало чувству общинной ответственности и гражданственности, что имело важные последствия для политической жизни Греции.

В целом оросительные системы Центральной Азии имеют много общего с моделью Виттфогеля, но с одним важным отличием. В Китае, который явился его основным объектом изучения, и в Центральной Америке «гидравлическая» цивилизация охватывала государство в целом, а не только отдельные оазисы, общины или города-государства. Но в Центральной Азии централизованные структуры мощных государств редко выходили за пределы одного оазиса. Большие расстояния между очагами орошения в сочетании с организационными навыками, необходимыми для управления каждой отдельной гидравлической системой, обеспечивали насыщенную общественную жизнь в каждом оазисе и гораздо более слабое и узкое военное и правительственное присутствие на региональном или международном уровне. Это открыло путь ряду империй, многие из которых зародились в Центральной Азии, для установления власти в регионе. Несмотря на это, основные гидравлические системы Центральной Азии поддерживались в рабочем состоянии в течение двух тысячелетий всего лишь с несколькими серьезными перебоями вплоть до татаро-монгольского нашествия в XIII веке⁹¹.

Уже в железном веке в Центральной Азии люди начали сооружать оросительные системы, которые были необходимы для городской жизни⁹². Задолго до появления персов, греков и дру-

⁹⁰ О концепции гидравлических цивилизаций см.: Karl A. Wittfogel "The Hydraulic Civilizations," in *Man's Role in Changing the Face of the Earth*, ed. William L. Thomas, Jr. Chicago, 1956, 152–64.

⁹¹ О центральноамериканских достижениях до Колумба в этой и других областях см.: Charles C. Mann, 1491: *New Revelations of the Americans before Columbus* (New York, 2005).

⁹² Об Отрарском оазисе см.: Renata Sala "Historical Survey of Irrigation Practices in West Central Asia," *Laboratory of Geo-Archaeology, Centre of Geologo-Geographical Research, Ministry of Education and Science, Kazakhstan*, <http://lgakz.org/Texts/LiveTexts/7-CAAsiaIrrigTextEn.pdf>.

гих иноземных захватчиков эти системы определяли жизнь оазисных цивилизаций. Техники, которые следили за их работами, безусловно были опытными гидрологами и инженерами. Они применяли две основные технологии.

Первая – это постройка дамб на горных реках в том месте, где они выходят на равнину, для создания прудов и озер. Эти дамбы часто представляли собой большие и малые каменные сооружения, выложенные глиной. На реках Балх в одноименном городе, Зарируд в Бухаре, Мургаб в Мерве, Зарафшан в Афрасиабе и Амударье в Гургандже дамбы были оснащены огромными воротами или клапанами, которые открывались и закрывались, чтобы вода в городе была в любое время года. Очевидно, что вражеские войска могли затопить город, просто уничтожив дамбу, как это произошло в Балхе и Гургандже⁹³. Эти дамбы, в свою очередь, подавали воду в шесть открытых магистральных каналов, которые были вырыты до города и шли через него, а также окружали земли сельскохозяйственного назначения. В Балхе было 20 таких каналов. Нередко длина основных каналов составляла около 96 км, и они имели тщательно спроектированные акведуки.

В попытке свести к минимуму испарение жители Центральной Азии стали копать эти каналы все глубже и глубже, таким образом уменьшая площадь контакта воды с солнечным светом. Они также укрепляли их, чтобы предотвратить потерю жидкости из-за просачивания, – оба этих метода проигнорировали советские инженеры, что привело к катастрофическим последствиям. Получившиеся в результате «реки» часто направляли под землю с помощью труб из обожженной глины, которые плотно подгоняли друг к другу. В центре Афрасиаба основные входные трубы были сделаны из свинца и описаны одним из ранних гостей города как «восьмое чудо света»⁹⁴.

Второй метод – сбор воды на возвышенностях возле города и направление ее в населенные районы и сельскохозяйственные угодья посредством подземных каналов. Эта система, разработанная для подачи воды на поля, включала в себя длинные подземные ходы, а также вертикальные шахты для вентиляции и доступа к воде. Учитывая, что эти каналы часто были длиной несколько километров, достигали более 90 метров в глубину и проходили прямо под целыми городами, их тоже можно считать чудом инженерной мысли.

Оба типа гидравлических систем требовали поддержания точно выверенного наклона для обеспечения устойчивого потока и бесперебойного функционирования различных подъемных механизмов, размещенных на равном расстоянии друг от друга. В городах лабиринт подземных труб из обожженной глины, которые подходили к общественным баням и частным домам, становился еще более сложным, так как они включали клапаны, ливнеотстойники и точки доступа для очистки, а также чрезвычайно сложные изменения угла наклона⁹⁵. В специалистах, необходимых для проектирования, строительства и обслуживания этих систем, недостатка не было. Достаточно сказать, что в XII веке один город Мерв имел штат 12 000 человек для поддержания гидравлической системы, в том числе 300 ныряльщиков!⁹⁶ В это время Мерв был крупнейшим городом в мире, опережая даже Ханчжоу в Китае⁹⁷, но уже в доисламские времена он являлся очень большим городским центром с древней и высокоразвитой системой водоснабжения.

⁹³ О проломе дамбы в Балхе и об оросительной системе города в целом см.: Akhror Mukhtarov, *Balkh in the Late Middle Ages* (Bloomington, 1993), 70–79.

⁹⁴ A. M. Mukhamedzhanov, "Economy and Social System in Central Asia in the Kushan Age," in *History of Civilizations of Central Asia*, 2:272.

⁹⁵ Городская система водоснабжения тщательно исследована У. Х. Шалекеновым и А. М. Оразбаевым в работе «Некоторые данные о водопроводной системе средневекового города Актобе (История материальной культуры Казахстана)». – Алма-Ата, 1980. – С. 24–48.

⁹⁶ По этой теме Босуорт цитирует арабских географов X в. Ибн Хаукаля и аль-Макдиси: "Merv," in *Historic Cities of the Islamic World*, ed. C. Edmund Bosworth (Leiden, 2007), 401ff.

⁹⁷ См. главу 12.

Некоторые исследователи городов Центральной Азии считали их частными примерами «исламского города»⁹⁸. На это есть определенные причины. К XII–XIII векам городские центры Центральной Азии во многом стали напоминать города в других странах исламского мира. Но до этого времени у крупных центральноазиатских городов был свой характер, сформированный веками до арабского завоевания и свой в течение нескольких столетий после него. Это своеобразие возникло прежде всего благодаря оросительным системам, сделавшим возможной жизнь в этом регионе и приведшим к созданию иерархического и регламентированного общественного строя, который позволил данным системам функционировать.

В Центральной Азии производилось множество сельскохозяйственных продуктов, регион имел высококласные производства, а следовательно, был богат. Но это не отменяло нехватки воды и орошаемых земель. Доступную воду требовалось найти, направить и доставить в точки назначения, что создавало огромные проблемы для Центральной Азии. Но жители того времени нашли достойный ответ, не лишенный воображения. Достаточно упомянуть несколько караван-сараев, где применялись эффективные технологии для сбора росы, или сложные подземные трубопроводные системы, которые снабжали городские жилища питьевой водой.

Такая находчивость говорит о том, что цивилизация использовала ресурсы скорее интенсивно, чем экстенсивно. Интенсивные цивилизации (Япония, например) повышают производительность труда и получают больший результат от существующих ограниченных ресурсов, не стремясь увеличить их количество. Царская Россия и СССР, напротив, были яркими примерами экстенсивных государств. Они повышали продуктивность сельского хозяйства, увеличивая территории и количество рабочей силы, а не повышая эффективность труда и урожай с наличных земель. Излишне говорить, что интенсивный характер сельского хозяйства в оазисах Центральной Азии повлиял на каждый аспект их жизни и культуры.

⁹⁸ Наиболее скрупулезно эта точка зрения описана в: Louis Gardet, *La cité musulmane, vie sociale et politique* (Paris, 1954); см. также Eckart Ehlers, "The City of the Islamic Middle East: A German Geographer's Perspective," in *Papers in Honor of Professor Ehsan Yarshater, Iranica Varia, Textes et mémoires* (Leiden, 1990), 16:167–176; Gustave E. von Grunebaum, *Islam and Medieval Hellenism: Social and Cultural Perspectives* (London, 1976), 25–37; сборник R. B. Sergeant, ed., *The Islamic City* (Paris, 1980).

Важная роль торговцев

Второй источник богатства Центральной Азии – международная торговля – также зависел от сочетания географических реалий и человеческой инициативы. Взглянув на карту, мы вспоминаем об уникальном географическом положении региона: из Центральной Азии был возможен доступ ко всем великим цивилизациям на евразийском пространстве, и те же цивилизации получали доступ друг к другу по суше только через Центральную Азию. С точки зрения транспорта и торговли Центральная Азия действительно занимает срединное положение, и так же было на заре истории. Жителям региона необходимо было лишь найти средства преодоления расстояний, чтобы воспользоваться этой невероятной удачей, подаренной Творцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.